

фантастическая
история

Александр Башибузук
Страна Арманъяк.
Фаворит

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

Фантастическая История

Александр Башибузук

Страна Арманьяк. Фаворит

«АЛЬФА-КНИГА»

2018

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6445я5

Башибузук А.

Страна Арманьяк. Фаворит / А. Башибузук — «АЛЬФА-КНИГА», 2018 — (Фантастическая История)

ISBN 978-5-9922-2648-5

Карл Смелый, герцог Бургундии, погибает в сражении при Нанси. Барон ван Гуттен, он же никем не признанный граф Жан VI д'Арманьяк, отказывается служить Максимилиану Габсбургу и собирается уйти в отставку. Однако, как всегда, обстоятельства складываются так, что простой тренер по фехтованию Александр Лемешев, по воле случая попавший в Средневековье, опять с головой окунается в хитросплетения европейской политики, но уже в качестве фаворита Мергерит, вдовы покойного герцога, вступившей в противостояние с французским королем Луи XI.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6445я5

ISBN 978-5-9922-2648-5

© Башибузук А., 2018
© АЛЬФА-КНИГА, 2018

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	29
Глава 6	36
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Александр Башибузок

Страна Арманьяк. Фаворит

Пролог

Множество разодетых придворных, разбившись на группки, вполголоса обсуждали прошедшие свадебные празднества и турниры. Неожиданно в зале послышались четкие шаги, дворяне расступились в стороны и уставились на сухопарого мужчину в длинных замшевых ботфортах и черной кирасе, скромно украшенной золотой чеканкой. Его образ завершали старомодный берет с тремя пышными павлиньими перьями, волнистые длинные волосы с легкой проседью, гордый профиль с внушительным горбатым носом, аккуратно подстриженная борода и веселые наглые темно-карие глаза. На шее мужчины в такт его шагам мерно покачивался на скромной цепочке золотой орден в виде стилизованной овечьей шкуры, а на перевязи с серебряным тиснением висел длинный узкий меч с шикарным эфесом.

Он уверенно чеканил шаг по навощенному палисандровому паркету, не обращая никакого внимания на основную массу придворных, но не забывал одаривать своей улыбкой некоторых дам и приветствовать легким кивком своих знакомых.

Кавалер ордена Золотого Руна, баннерет Бургундии барон ван Гуттен, по совместительству гранд-камергер, отвечающий за личную охрану герцогини, помимо чинов и титулов имел много прозвищ, последним из которых было прозвище Гентский Палач, полученное совсем недавно.

Он не был любимцем Бургундского Отеля, мало того, большая часть придворных люто ненавидела его и считала не более чем зарвавшимся выскочкой. Нелюбовь объяснялась очень просто: барон был богат как Крез, беззастенчиво пользовался популярностью у женщин и водил дружбу почти со всеми первыми лицами Отеля, щедро осыпавшими его своей благосклонностью. И даже новый герцог Бургундии и Фландрии, муж дочери покойного Карла Смелого Максимилиан Габсбург с какой-то стати не стал обходить барона милостями. Вот и сейчас, с завистью думали дворяне, он призвал его пред свои сиятельные глаза явно не для того, чтобы сослать в опалу. О том, что именно барон своей хитростью, коварством и жестокостью практически свел на нет Гентский мятеж, и о том, что во многом благодаря ван Гуттену брак Марии и Максимилиана вообще состоялся, предпочитали не вспоминать.

Но по целому ряду причин сплетники судачили втихомолку. Одной из этих причин был обыкновенный инстинкт самосохранения – гранд-камергер барон Жан ван Гуттен считался одним из лучших бойцов Европы и, невзирая на лица, никогда не упускал возможности пустить в ход свой клинок. Впрочем, это не мешало недругам тайно лелеять надежду, что барона рано или поздно убьют в поединке. Возможно, даже сегодня вечером. Или завтра. Но все-таки лучше побыстрее.

Чернокожие молодцы в ливреях цветов Марии Бургундской, стоявшие в карауле перед покоями герцогской четы, четко взяли на караул, барон им небрежно кивнул и скрылся за высокими дверями, покрытыми искусной резьбой.

– Кавалер ордена Золотого Руна, гранд-камергер барон ван Гуттен! – зычно рявкнул гербовый король, со значением вздернул синий припухший нос к потолку и пристукнул своим жезлом об пол.

Барон немедленно обмахнул перьями берета ковры и склонился в глубоком поклоне перед герцогом и герцогиней.

Герцог, крупный мужчина с оттопыренной нижней губой, придававшей его лицу упрямое выражение и прямо намекавшей на его принадлежность к породе Габсбургов, приветливо улыбнулся и сказал с сильным немецким акцентом:

– Рад видеть вас, мой друг.

– Я ваш покорный слуга, ваше высочество...

Барон повторил поклон, но в этот раз адресовал его Марии Бургундской, новоиспеченной супруге Максимилиана Габсбурга. Герцогиня – миловидная молодая женщина, очень похожая внешностью на своего покойного отца, благосклонно кивнула ему в ответ. В уголках ее рта едва заметно промелькнула приветливая улыбка.

– Мы удивлены вашей просьбой... – с легким показным недоумением произнесла она низким грудным голосом.

Барон в очередной раз подивился, насколько изменилась Мария после свадьбы с Максимилианом. Властный голос, полное достоинства лицо, казавшееся из-за этого немного старше, даже жесты стали более степенными и уверенными; словом, от той взбалмошной и порывистой, тайно в него влюбленной девчонки ровным счетом ничего не осталось...

– Более чем! – сбив барона с мысли, экспрессивно дополнил жену герцог и небрежным жестом поправил воротник на своем шитом золотом пурпуэне. – Извольте объясниться, барон.

Максимилиан еще не полностью освоился в герцогском статусе и от старания ему соответствовать немного переигрывал.

– Сир... – Ван Гуттен подавил в себе улыбку и повинно склонил голову. – Я потерял смысл своего существования и намерен провести остаток жизни в покаянии...

– Печально и очень некстати, – недовольно выпятив губу, буркнул герцог. – Не забывайте, идет война, и у меня каждый клинок на счету, особенно такой, как ваш. Тем более мне как гроссмейстеру ордена Золотого Руна совсем не помешает ваше участие в делах ордена. Но... – Максимилиан сделал долгую внушительную паузу, – но, учитывая просьбу кардинала и моей дражайшей тещи, я решил поучаствовать в решении вашей проблемы. Поступим следующим образом: я вас отпускаю в бессрочный отпуск, но... но...

Герцог запнулся и, не подобрав необходимого слова, беспомощно посмотрел на жену.

– Если ваше душевное состояние пойдет на лад, его высочество потребует немедленного возвращения барона ван Гуттена ко двору. – Мария Бургундская закончила фразу за своего супруга.

– Именно так! – подтвердил Максимилиан и окинул жену обожающим взглядом.

– Благодарю вас, сир! Я ваш покорный слуга... – почтительно заявил барон и, умело скрывая довольное лицо, опять отвесил поклон. – Ваши желания для меня – закон...

– Да, и еще... – добавила герцогиня, отвечая ласковой улыбкой на взгляд своего мужа, – мы надеемся, что поставки из ваших владений к нашему двору будут продолжены.

– Да-да, продолжены... – машинально продублировал Максимилиан, не отводя взгляда от жены.

– Несомненно, ваше высочество!.. – Барон, не в силах сдерживаться, иронично хмыкнул, но молодые супруги были настолько заняты друг другом, что этого совершенно не заметили.

Ван Гуттен не стал нарушать идиллию молодоженов, покинул герцогские покои и быстро зашагал по приемному залу. Ему до чертиков надоел двор, делано угодливые рожи придворных просто бесили, поэтому он хотел как можно быстрее отсюда убраться.

Тем более что барон уже выполнил предсмертную просьбу своего покойного сюзерена и больше не чувствовал себя обязанным Бургундской короне. А Максимилиан? В свое время Жан ван Гуттен отказался служить его отцу, самому кайзеру Великой Римской империи, и уж совсем не собирался служить сыну, решив ограничиться обязательными налогами и щитовой повинностью в денежном эквиваленте. К тому же у барона скопилось немало долгов перед самим собой, и он в ближайшее время собирался их закрыть.

Но это уже завтра, а на сегодня остались некоторые нерешенные дела при дворе, требующие его прямого участия...

Глава 1

– Сир? – склонились в почтительном поклоне Луиджи и Пьетро.

Братья за последнее время очень сильно возмужали, превратившись из тощих нескладных подростков в статных молодых людей, напропалую волочившихся за юбками и уже отметившихся в парочке ссор с последующими поединками. Прямо на глазах мужают оболтусы. А ведь с того момента, как мне их представил Ле Гранье, покойный шут покойного владельца Бургундии, времени прошло всего-то ничего. Хотя чему я удивляюсь: пацаны пережили со мной немало... Стоп, опять в воспоминания ударился... Старею, что ли?

– Чего хотели, обалдуи? – прогнав сентиментальные мысли, поинтересовался я у своих пажей.

– Сир... – немного помявшись, спросил Луиджи, – дозвоьте нам отлучиться до вечера.

– Дозволяю... – Я оправил перед зеркалом берет и как бы невзначай добавил: – Долги позакрывайте. Завтра отбываем и вернемся в Гент очень не скоро. Марш...

– Сир, дозвоьте поинтересоваться, о каких долгах вы ведете речь?.. – настороженно поинтересовался Пьетро.

И скорчил совершенно невинную и даже где-то оскорбленную рожу. Вот же стервец!

Я сделал шаг вперед, притянул его за пояс к себе и, делая акцент на каждом слове, процедил:

– Долги чести, сердечные долги и, наконец, черт побери, долги ювелиру, которому вы задолжали по полфлорина. Времени на все про все у вас ровно до вечера. Свободны.

– Ваши приказания для нас – закон... – Парни скрылись из комнаты в мгновение ока.

Я еще немного постоял перед зеркалом, остался доволен своим видом и приказал подавать лошадь. Мне тоже надо разобраться со своими делами, прежде всего здесь, в Генте, а значит, нехрен на месте засиживаться.

Взобравшись в седло и тронув жеребца с места, я невольно задумался.

Мергерит Йоркская...

Последняя жена, а нынче вдова моего покойного сюзерена великого герцога Карла Бургундского, родная сестра короля Англии Эдуарда IV и просто чарующе красивая и умная женщина. Порой я даже не знаю, как выразить свое отношение к ней. Смерть мужа герцогиня перенесла стоически, правильно расставила государственные приоритеты, сосредоточила усилия на браке своей падчерицы с Максимилианом, сыном Фридриха, кайзера Священной Римской империи, и добилась его, послав подальше Всемирного Паука с его семилетним отпрыском дофином Карлом. Выполняя предсмертную просьбу ее мужа, я все это время был рядом с герцогиней, подставлял свое плечо и даже стал в некоторой степени ее карающей дланью. Нас до сих пор объединяют некие дела и замыслы, а сейчас... сейчас все изменилось. Но об этом немного позже.

Я привстал на стременах и осмотрелся. Обычно в качестве эскорта я беру копьё конных жандармов, но сегодня не взял, ибо уже в отставке, да и пажей отпустил, а Клаус, мой оруженосец, на побывке в поместье, унаследованном от покойной матери. Тук тоже в отлучке, отправился по моему поручению, а так при службе, командует ротой лейб-гвардии. Моей бывшей ротой. Впрочем, с гвардией все очень неоднозначно: похоже, Максимилиан все будет менять под себя, так что очень скоро грядет реорганизация. Но это меня уже не касается, и Логана тоже – он, как и я, выразил желание покинуть службу и заняться вплотную своими владениями и женой, могучей красавицей Брунгильдой. Никак не может Уильям ван Брескенс смириться с отсутствием наследника мужского пола. Впрочем, Брунгильда опять в тягости, донашивает последние деньки; может, и осчастливит супруга отпрыском. Да и моя Матильда обещается вскорости разрешиться. Но об этом не сейчас. Так, приехали...

Проехал герсу, бросил поводья слуге и взбежал по лестнице. Майордом уже ждал меня, молча повел по узким коридорам и у личных покоев герцогини передал в руки статс-даме.

– Жан... – стройная и пышная блондинка присела в книксене, – ее высочество вас уже ожидает.

На ее миловидном округлом лице появилась приветливая улыбка.

– Спасибо, Анна, – мы с Анной де Стутевилл давно перешли на неформальное общение и наедине не утруждались титулами, – я смотрю, вы хорошеете не по дням, а по часам.

– Ах, Жан, вы меня вгоняете в краску... – Статс-дама притворно смутилась. – Боюсь даже представить, что будет, когда ваша изощренная лесть воплотится в нечто большее чем слова... – Она тихонечко хихикнула и показала на дверь: – Идите уже...

Герцогиня, придерживая портьеру рукой, смотрела в окно. Яркие солнечные лучи создавали вокруг ее фигуры призрачный сияющий ореол, и мне на мгновение даже показалось, что Мергерит парит в воздухе.

Услышав шаги за спиной, она медленно повернулась.

– Барон...

– Ваше высочество, – поклонился я и в который раз невольно залюбовался Мергерит.

Герцогиня удивительно молодо выглядит для своих тридцати лет, скорее всего, благодаря стройной худенькой фигуре, столь необычной для этого времени. И просто завораживает своей холодной красотой. Мраморная кожа, классические, очень правильные черты лица, чувственные, ярко очерченные губы и большие, с легкой раскосостью, и оттого очень красивые изумрудные глаза. Порой мне кажется, что они живут своей жизнью на полностью лишенном эмоций лице. И сейчас в них читается... что? Радость? Радость от встречи? Или мне этого просто хочется? До конца не уверен; эта женщина великолепно умеет скрывать свои мысли и чувства.

– Все прошло без осложнений? – Герцогиня присела в венецианское кресло из эбенового дерева и показала мне на второе такое же, расположенное напротив своего. – Присаживайтесь и рассказывайте.

– Даже не знаю, как благодарить вас, ваше высочество, за помощь. Все устроилось как нельзя лучше... – Я немного растерялся, не понимая, как надо себя вести. Слишком уж теплый прием. Что-то тут не так...

Герцогиня мне кивнула и сама разлила шербет по бокалам червленого золота.

– Жан... – в первый раз за все время назвала она меня по имени.

– Ваше высочество? – Честно говоря, я оказался немного обескуражен. И не столько вопиющей фамильярностью, абсолютно не присущей герцогине, сколько улыбкой Мергерит. За время нашего общения такого еще не случалось ни разу. Нет, она, конечно, улыбалась, но улыбка всегда была лишь мимолетной и едва заметной тенью на лице.

– Мегг, – спокойно заявила герцогиня, не переставая улыбаться. – Когда мы наедине, я желаю, чтобы вы меня называли Мегг... можно Мегги...

– Ваши желания для меня – закон, Мегг... – Я сделал легкую паузу и повторил имя: – Мегги...

– Закон? – с легким сомнением переспросила Мергерит и отпила из бокала. – С какой это стати? Впрочем, насколько мне доносят придворные дамы, вы известный льстец, так что неудивительно.

– Я дал вам повод сомневаться в моей преданности? – с показной обидой поинтересовался я.

И еще больше насторожился. Нет, подобного потепления отношения я ожидал уже давно, но пока остается непонятным, к чему ведет свою партию герцогиня. Она чертовски умна, значит, это все неспроста. Ой неспроста...

– Нет! Я никогда не сомневалась в вас, Жан! – с чувством заявила герцогиня. – Но для меня вы всегда оставались загадкой. И ваше отношение ко мне... тоже... – неожиданно выпалила она и, в желании скрыть свое смущение, даже опустила на лицо вуальку.

У меня не получилось быстро оценить последствия разных вариантов ответа, поэтому я отключил мозги и отдался эмоциям. Была не была!

– Мегг... когда я рядом с вами, мне хочется заколоть себя... – Я слетел с кресла и стал на колено пред Мергерит. – Потому что муки, испытываемые мной, воистину непереносимы...

Громко звякнул о паркет бокал, выпав из руки герцогини.

– ...ибо я долго был вынужден скрывать свои чувства... – продолжил я и осторожно завладел ручкой Мергерит. – И даже сейчас я не уверен в том, что могу раскрыть их пред вами...

– Говорите! – почти выкрикнула она, судорожно сжав мою ладонь.

– Этим чувствам имя – любовь! – тихо и печально завершил я монолог и слегка прикоснулся губами к холодному как лед запястью герцогини.

Мергерит тихо вскрикнула, вырвала руку и испуганно откинулась на спинку кресла. Ее грудь, стиснутая черным муаром корсета, судорожно вздымалась, на лице мгновенно пронеслась целая гамма чувств, одним из которых было искреннее недоумение. И восторг. Да-да, черт побери, восторг!

– Жан... – после недолгого молчания, хрипловатым голосом прошептала Мергерит, – после смерти мужа вы мне стали надежной опорой и настоящим другом. А сейчас... – она слегка запнулась, – сейчас...

– Моя госпожа...

– Нет! Молчите... – пылко остановила меня герцогиня. – Я... я догадывалась... я знала, но не могла ответить на ваши чувства... – Подрагивающей ладонью она провела по моей щеке и сразу отдернула ее назад.

Отдернула, потому что в дверь будуара легонько постучали, а потом голосом статс-дамы сообщили, что в резиденцию прибыл с визитом кардинал де Бургонь.

Глаза Мергерит полыхнули огнем, мне даже показалось, что она сейчас прикажет казнить статс-даму с кардиналом заодно, но, вопреки моим ожиданиям, ее голос прозвучал спокойно.

– Проводите его высокопреосвященство ко мне в кабинет, – приказала она Анне, а потом, обернувшись ко мне, с виноватой улыбкой попросила: – Жан, вы присоединитесь к нам за ужином, а пока я вынуждена оставить вас. Вам приготовили покои подле моих. Пожалуйста, проинспектируйте их...

– Мегг... – я, сделав шаг вперед, взял ее руки в свои и по очереди поцеловал, – я же говорил, ваши желания для меня – закон...

Герцогиня вздрогнула, на мгновение показалось, что Мергерит сейчас бросится мне на шею, но она сдержалась и почти бегом выскочила из будуара.

– M-da... – буркнул я на великом и могучем, оставшись один, – *sovsem deffka zastojalasja. Neladno...*

Но развить тему не получилось: в будуар наведалься майордом и с поклоном предложил осмотреть покои, отведенные для кавалера, гранд-камергера, барона и просто хорошего человека Жана ван Гуттена. Шучу... про хорошего человека он не упоминал, не по этикету, но усердием и почтительностью просто светился. Сверх меры. Неужто уже в фавориты записали? Это зря, любезные, хотя, черт возьми, Мергерит чудо как хороша и волнует меня нешуточно. Даже не упомяну, кто меня так за сердце брал. Разве что принцесса Мадлен Французская, регентша Наварры, родная сестрица самого Паука, черт бы его побрал, сволочь такую. Хотя нет, тогда я еще не очень разбирался в средневековых дамочках и просто хотел побыстрее опробовать, как себя ведут принцессы крови в постели. К тому же сия интрижка ничем хорошим не закончи-

лась, кроме как дыркой в моем бедре от удара даги ревнивого соперника и побегом в чемодане. Но об этом я уже рассказывал.

А вообще, в отличие от Мергерит, появление де Бургоня меня не очень разозлило. Вернее, совсем не разозлило. Во-первых, общение с герцогиней уже грозило перерасти в нечто большее, к чему я пока не особенно готов. То есть готов, но не совсем.

М-да... вот это выразился. Попробую объяснить. Близость с вдовой самого Карла Смелого может для меня обернуться большими хлопотами, если не откровенными неприятностями. Нешуточными милостями, конечно, тоже, но о них думать пока рано. А во-вторых, встреча с кардиналом у меня самого планировалась только на поздний вечер. Причем эта встреча обещала быть очень важной. Так что он приперся сюда очень кстати. Сэкономил мне время.

Кардинал, кардинал... Когда я встретился с ним первый раз... Нет, надо с самого начала. Значит... Что, пришли уже?

М-да... похоже, точно в фавориты записали. Причем по личному приказу Мегг и явно не сегодня. Значит, сегодняшняя мизансцена готовилась давно...

Сами посудите: целая анфилада покоев, вместе с личным кабинетом, охотничьей залой и залой для воинских упражнений, совмещенной с оружейной комнатой. Даже декор примерно в моем вкусе: суровая, но дорогая простота, в темных бархатных тонах. А это что?..

Я остановился перед громадным, в полный рост, портретом в золоченой резной раме, полускрытым черными бархатными занавесями. Раздернул их – и едва не ахнул...

Неизвестный художник изобразил Мергерит Йоркскую в охотничьем наряде на фоне могучих вековых деревьев с раскинутыми ветром кронами. В темно-зеленом платье с серебряной вышивкой по лифу, с серебристым прозрачным покрывалом на голове, прихваченным золотой короной, тяжелом ожерелье о пяти подвесках из кроваво-красного камня и с коротким узким мечом в левой руке. Правую она опустила на загривок могучего пса, настороженно скалящего брылястую пасть с внушительными клыками.

Картина, конечно, написана в нынешней манере, далекой от реализма, но художнику удивительно точно удалось отобразить холодное лицо герцогини и ее глаза, с надеждой устремленные куда-то вдаль.

Черт возьми! Это признание в любви... Особенно учитывая то, что картина висит в моем кабинете, а охотничий меч из драгоценной толедской стали, ожерелье и этого фламандского волкодава по имени Дюк подарил ей тоже я.

Услышав шаги за спиной, резко обернулся. Так... Личные слуги, общим числом шесть... нет, семь. И ни одной смазливой девчонки, одни парни и женщины, возрастом далеко за сорок, по нынешним меркам уже давно старухи. И страшные, как эпидемия холеры. Предусмотрительно. Bravo, Мегг, bravo! Фаворита надо хранить от соблазнов.

– Вина и сыра. Живо! И пошли пока прочь... – Последние мои слова совпали с дружным топотом ног. Помнят, сволочи, как в одну из своих ночевок здесь я едва не зарубил кастеляна, обнаружив в тюфяке целое гнездовье клопов.

Дождался испрошенного, налил себе в бокал вина и уселся в кресло, положив ноги на банкетку-карл. Надо бы поразмыслить. Итак, что мы имеем? Вернее, чем мне грозит близость с Мергерит?..

Кусочек местного выдержанного бри растаял на языке острой соленой лужицей и сразу же был смыт терпкой прохладной волной красного вина с близлежащих виноградников монастыря-цистерцианцев. Хорошо! Сыр и вино в Средние века в подавляющем большинстве чудо как хороши, современные им даже в подметки не годятся.

...Так, значит, чем грозит? А тем, что сей мезальянс полностью ломает мои планы. Вряд ли Мегги согласится надолго отпустить от себя свежеприобретенного фаворита, а ведь я как

раз и отрешился от двора, чтобы заняться своими неотложными делами, коих накопилось уже порядочно. Какие дела? Много, ой много...

Для начала хотелось бы съездить домой в баронию, проведать Матильду и дочурок. Соскучился, сил нет, по лапочкам, растут же кровиночки безотцовщиной... Затем надо проинспектировать вассальные феоды, торговые дела и производство. Да многое надо проинспектировать, сами знаете, как без личного присмотра бывает. Но по большому счету это не главное...

Я подхватил бокал и потопал в фехтовальную залу.

– Надо же... – ткнул пальцем в новомодные итальянские тренировочные доспехи на манекене, – никак для меня выписали! А это что?

Рядом с манекеном стоял еще один, а на нем...

Мать Божья! Это что, Мегги собралась тренироваться со мной? Размером меньше и с юбкой: точно женские! Нет, вопреки заблуждениям, женщины в нынешние Средние века совсем не чураются подобного времяпрепровождения, мало того, рыцарственные дамы встречаются часто и густо. Есть даже боевой чисто женский рыцарский орден – Orden de la Nacha (орден Топора), основанный в Испании в замшелом 1149 году.

А есть еще орден Рыцарей Святой Марии Вифлеемской, орден Сантьяго, орден Калатравы и многие другие, куда принимают женщин. Правда, с большими оговорками, но это все же сей факт не отменяет. У ордена госпитальеров вообще есть женский монастырь-крепость в Бокленде. Но Мергерит? Да-а... получается, многое про нее еще не знаю. Но узнаю...

Я перешел в оружейную комнату и уставился на боевой женский комплект доспехов в готическом стиле. Отличное железо; если не ошибаюсь, работы зульских мастеров. А вот и мечи с прочими устройствами для лишения жизни. Интересно, она в реальности помахивает мечом на досуге или это обычная женская уловка, чтобы понравиться мне? Ладно, Мегги, вечером объяснимся...

Вернулся в кабинет и присел обратно в кресло. Так... о чем это я? О делах. Так вот, за войной и прочими веселыми, но глупыми удовольствиями я совсем забросил обещание помножить на ноль короля франков Луи XI, сиречь Всемирного Паука, моего кровного врага, уничтожившего ради прихоти род Арманьяков.

А ведь есть еще недобитый ублюдок Гийом де Монфокон, по приказу Паука убивший моего отца конта Арманьяка и отравивший мою беременную мачеху Жанну де Фуа. Беременную моим ребенком! Вернее, не моим, а настоящего бастарда Арманьяка, но я с этим телом уже сжился накрепко и даже забывать стал, кем был в прошлой жизни.

Следующим идет Николя де Монфор граф де Кампобассо, предавший Карла Бургундского, а значит, и меня лично! Но с ним связано еще одно дельце, так что предстоит уроду долго заливаться соловьем, прежде чем он отправится в ад.

Много работы, очень много!

Перед глазами неожиданно прошли картины из прошлой жизни...

Сажу на травке и, как баран, пялюсь на свою руку в латной перчатке. Да... сразу после переноса в тельце бастарда Арманьяка чуть не свихнулся от охренения. Ну сами посудите: тренер сборной страны по фехтованию на саблях, сорокапятилетний мужик – вдруг становится юнцом, да еще оказывается в пятнадцатом веке! То-то же...

А вот здоровенный верзила сидит в ручье и со страдальческим видом трет себя песком, а я на берегу грозно так на него посматриваю. Это Уильям из славного клана Логанов, шотландец, монах-расстрига, мой верный друг и соратник по прозвищу Братец Тук, или просто Тук. Да, нашел в свое время, пригрел обормота и ни разу еще не пожалел об этом. Он рыцарь уже: сам Карл посвятил этого громилу за подвиги.

А здесь вместе с ним мы несемся в атаку на кнехтов в белых ваппенроках с черными двуглавыми орлами на них. Это сражение при Нейсе, уже воюю под знаменами Карла, но в качестве лейтенанта наемной компании рутьеров...

– Сир, герцогиня Мергерит просит вас пожаловать к ужину!.. – неожиданно раздался голос за спиной.

Я с досады (сука, такие эпические воспоминания прервал!) чуть не запустил кубком в майордома, но потом пожалел старика, матюгнулся мысленно и поперся в трапезную.

Глава 2

Ординарий архиепископства Камбре, Жан VI де Бургонь, по совместительству духовник Мергерит Йоркской, герцогини Бургундской, был поразительно похож на кардинала Ришелье. Но не на реального, еще не родившегося исторического персонажа, а на замечательного актера Александра Трофимова, сыгравшего Ришелье во всем известном фильме. В первый раз я его увидел после того, как невольно разогнал в Антверпене ковен сатанистов, и совсем было подумал, что наткнулся на собрата-попаданца, но, к счастью, ошибся. Или к несчастью, что, впрочем, совсем не важно. Встреча с кардиналом все равно оказалась знаковой и даже в некоторой степени изменила мою жизнь на тот момент. И на этот. Вляпался, конечно, правда, не в ту субстанцию, всем известную под названием «дерьмо», а в тайный церковный рыцарский орден защитников истинной веры, где по сей день состою в сане рыцаря-коммендатора. Что сей сан означает в структуре Ордена, я до сих пор не знаю, но подозреваю, что это не более чем красивое название для удовлетворения моего тщеславия, а в реальности я выполняю функции... функции?.. А черт его знает, какие функции! Возможно, что-то вроде агента влияния. Примерно так. Тем более что об истинной направленности деятельности Ордена мне толком ничего не известно, я только подозреваю, что в некоторой степени они правопреемники тамплиеров. Но это всего лишь догадки, скорее всего не имеющие под собой никакой реальной основы. Сотрудничество с Орденом меня пока полностью устраивает и порой приносит нешуточные преференции. Пока. А дальше посмотрим...

– Ваше высокопреосвященство. – Мергерит неожиданно встала из-за стола. – Ваша милость... – теперь она обращалась ко мне, – к сожалению, я вынуждена покинуть вас на некоторое время...

– Не беспокойтесь, дочь моя. – Де Бургонь поднял руку для благословения. – А мы с бароном пока развлечем себя беседой. Вы не против, барон?

Я молча кивнул и был удостоен мимолетной улыбки Мергерит, после чего она ушла из трапезной, а вслед за ней отправились прислуживающие за столом. Мы с кардиналом остались одни.

– Я слышал, вашу просьбу об отставке удовлетворили? – Кардинал пресыщенно вздохнул и откинулся на спинку кресла.

– Да, ваше высокопреосвященство. Государь внял вашей просьбе... – Я наколот на кинжал фаршированного перепела и положил его себе на блюдо.

– Не стоит, – де Бургонь снисходительно улыбнулся, – я счел своим долгом помочь, благо это в наших общих интересах. Итак, не соблаговолите ли озвучить свои дальнейшие планы?

– Мои планы в некоторой степени зависят от вас, ваше высокопреосвященство... – вернул я ему улыбку.

– Ах, да!.. – Кардинал картинно всплеснул руками. – Совсем забыл. Интересующий вас человек...

– *Нас*, ваше высокопреосвященство, – осторожно поправил я священника. – Интересующий нас человек...

– Интересующий вас человек пытался со своим отрядом наняться на службу... – кардинал проигнорировал мое замечание, сделал паузу и, только дождавшись на моем лице выражения крайнего нетерпения, продолжил: –...к руа франков Луи. Но известный вам граф Филипп де Кревкер отговорил государя. Мало того, убедил арестовать, но кондотьер все же успел скрыться.

– Судьба предателей всегда незавидна, – прокомментировал я, отпив глоток вина. – И где теперь его искать?

– Мы не знаем, – коротко ответил де Бургонь. – Но скоро узнаем. Кстати, ваше судно в порядке?

– Мое – да. Второе еще не готово, только заложили. Торговые суда компании – в море, и вернутся не раньше осени. Ваш эконо́м в курсе... – слегка намекнул я на тот факт, что нас связывают не только политические дела, но и финансовые.

– Я о... как там ее?... – Кардинал полюбовался горкой красной икры на ложке и отправил ее в рот. Мое изобретение – вернее, нововведение, так будет точнее – произвело настоящий фурор при дворе, и теперь все, кто мог позволить себе икру, жрали ее как не в себя. В том числе кардинал, которому я поставлял несколько бочонков в год.

– Шебека, ваше высокопреосвященство. Судно называется «шебека». Но с моим отбытием могут возникнуть определенные сложности.

– Отчего же? – удивился кардинал. Или сделал вид, что удивился, я толком так и не понял. Хотя готов поставить свою эспаду против кухонного ножика – этот хитрец в курсе намерений Мергерит. Мало того, скорее всего, эти намерения уже одобрил, исходя из каких-то своих соображений, о которых я только могу догадываться.

Мергерит вдова и, согласно нынешнему закону, совершенно самостоятельный человек, что, с одной стороны, очень упрощает дело. Церковь одобряет повторные браки, мало того, смотрит сквозь пальцы на невинные развлечения вдов, лишь бы они не выходили за рамки приличий. Да-да, именно так, вопреки изыскам современных историков, на все лады расписывающих ужасы рабского положения женщин в Средневековье. Дело в том, что вдов – невероятное количество, мужики мрут как мухи, особенно на войне, причем дворяне не исключение, а скорее правило. А церковь опасается входить в конфликт с остервенелыми от одиночества бабенками, вот и способствует им по мере сил. Или просто сочувствует, что тоже вполне возможно.

Но с Мергерит дело сложнее – она вдова государя, поэтому к ней отношение особое. Любая баронесса, особенно при землице и деньгах, овдовев, практически сразу выскакивает замуж, и никто ее за это не осуждает, но уже герцогиням рекомендуется придерживаться традиции постоя́нства, пожизненно демонстрируя верность покойному мужу. Тем более в подавляющем большинстве вдовы герцогини богаты, а новое замужество автоматически отдает это богатство новым мужьям, чему всегда противятся наследники, ибо жаждут получить оное в наследство уже после самой герцогини. И Мергерит тому не исключение, ибо после смерти Карла ей вернулось назад приданое, а это почти триста тысяч золотых крон, и «вдовья треть», что в общей сложности составляет едва ли не в полтора раза больше. К тому же Карлуша любил женушку и надарил лично ей кучу замков, поместий и угодий. Так вот, Машка с Максом явно будут не рады, если мамаша отдаст это добро левому мужику, поэтому быть ей вдовой пожизненно. Разве что этим браком Максик захочет соорудить какой-нибудь политический союз. Но в ближайшем будущем – это вряд ли. Не до этого ему пока.

А вот завести фаворита Мегги вполне может, что вполне укладывается в рамки средневековых приличий. Не удивляйтесь – тут, бывает, такое происходит, что распущенные нравы двадцать первого века стыдливо меркнут.

– Я, кажется, понял, о чем вы... – продолжил де Бургонь. – Ну что же, отвечу честно. Мы не против. Вас устроит такой ответ или мне будет необходимо его развернуть?

– Будет необходимо. Для меня это важно.

– Ну что же... – Кардинал отхлебнул вина и поставил кубок на стол. – Извольте...

Кардинал рассказал мне об уже известных моментах, и я практически во всем был с ним согласен, но это все равно не прибавляло бодрости, наоборот, все больше вгоняло в уныние.

Если начать с основ, получается, Максимилиан сейчас находится в очень незавидном положении. В первую очередь он нищ как доминиканец – даже для того, чтобы Максик достойно приехал на свадьбу, Мергерит отправила ему сто тысяч гульденов. Мало того, для Нидерландов, где всем заправляют Генеральные Штаты, он никто и звать его никак. Да, они

признали его правителем, но одновременно выторговали себе кучу вольностей со свободами. Машка не в пример авторитетнее для бюргеров – ее нидерландцы даже любят. Еще бы не любили...

Тут сделаю небольшое отступление. По счастливой случайности, во время Гентского мятежа я с несколькими уцелевшими частями лейб-гвардии оказался неподалеку и путем некоторых действий, признаюсь, достаточно жестоких, этот мятеж дезавуировал и лично зарезал, как барана, Адольфа Эгмонта, герцога Гельдернского, основного вдохновителя мятежа. А герцога Клевского, попытавшегося принудить Марию к браку со своим сыном, мои соратники на пинках прогнали восвояси. Кстати, я его типа спас от разъяренной солдатни и вполне подружился со стариком.

А затем Машка помиловала три сотни уже готовых к казни гентцев (а еще столько же просто не успела, мои зольдатики оказались проворнее) и милостиво даровала городу и Генеральным Штатам несколько дополнительных свобод и прав, что и обеспечило ей пылкую любовь населения Нидерландов. Пока, конечно. Это такой упрямый народец, что только силу понимает, да и то не всегда.

Но опять же это не самое главное. Паук, черт бы его подрал, после того, как Мергерит дала от ворот поворот его отпрыску, принялся оттяпывать саму Бургундию, Пикардию и Артуа, значительно преуспев в этом. Правда, Жан де Шалон, принц Оранский, успешно воюет с французами в Франш-Конте, но это общую ситуацию не меняет. И самое пакостное, что на стороне Паука воюют соратники Карла со своими людьми, в том числе граф Филипп де Кревкер и даже великий бастард Антуан.

Пауку надо срочно давать отпор, а некем и нечем. Кайзер сыну отказался помогать напрочь. Правда, Сигизмунд Австрийский вроде как на стороне Максимилиана, но в войну не вступает, ограничившись посылкой некоторого числа своих военных отрядов. Жалованье которым вынужден платить Максимилиан. А тут еще опять могут взбунтоваться бюргеры во Фландрии. Как я говорил, за этим народцем глаз да глаз нужен.

Так вот, в такое смутное время Мергерит не собирается сидеть сложа руки. А мать наша католическая церковь в лице кардинала де Бургоня ее всецело поддерживает и считает, что такой надежный и героический дворянин, как барон ван Гуттен, находясь при Мегги в качестве фаворита, сделает нежные ручки герцогини длиннее и крепче. Заодно присмотрит, чтобы она не оступилась. Тем более сама Мергерит против барона ничего не имеет, даже наоборот. Вот для этого как раз и было необходимо удалить барона от двора, путем чего уменьшить влияние Максимилиана на одного дворянина. К тому же сам барон против такого варианта ничего не имеет, даже наоборот.

– Не так ли, сын мой? – Кардинал иронично прищурился. – А что до ваших отлучек по делам... я думаю, ее высочество отнесется к ним с пониманием. Тем более они, надеюсь, будут только способствовать нашему делу. И да... вы бы повременили с отъездом. Хотя бы на пару дней. Сами понимаете почему. Дело-то молодое...

И тут кардинал взял и залихватски подмигнул мне.

Охренеть...

– Тогда стоило ли мне уходить? Рано или поздно все равно воевать придется... – буркнул я.

– Жан... – де Бургонь в разочаровании развел руками, – ну что вы, в самом деле. Найдется кому воевать. Войны не только мечом выигрывают.

– Ага, уже не только мечом, но и пушками... – не стал я скрывать досаду в голосе. – А зачем про шебеку спрашивали? И учтите, я еще ни на что не соглашался. Есть одно условие... нет, два...

Черт... а я так хотел отрешиться от свары за бургундское наследство. Не моя это война. Но... даже не знаю, что сказать... Вот совершенно мне не хочется воевать. Навоевался уже до чертиков.

– Погодите, Жан... – Кардинал укоризненно скривился. – О каких условиях вы говорите?... Давайте обо всем по порядку. Для начала, мне поручено обговорить с вами ваши личные предпочтения от... гм... союза с ее высочеством. Значит, так. Вам передаются сеньории...

– Вы меня хотите оскорбить? – настал мой черед состроить негодующую рожу. – О каких предпочтениях идет речь? Дела сердца и чести не требуют оплаты...

Да, именно так, и не надо меня обвинять в сумасшествии. Все объясняется очень просто. Ладно, я совсем не против... гм... союза с Мегги, даже наоборот, жажду его всеми фибрами души. Вот хочу ее, и все. Но... как бы это сказать правильнее... в общем, еще не оскотинился до такой степени, чтобы брать за любовь сеньориями или другими феодами. Тем более что управление оными требует времени, коего у меня нет совершенно. К тому же сеньории как даются, так и отбираются. Не буду кривить душой – я не совсем бескорыстен и собираюсь извлечь из этой ситуации максимум, но не таким образом. По крайней мере, внешне это должно выглядеть «бла-а-агородно».

– Жан! – В голосе кардинала появились стальные нотки. – Для начала извольте дослушать. Речь не идет о том, чтобы оплачивать любовь. Сами понимаете, полностью скрыть ваш союз не удастся, поэтому человек рядом с вдовой герцогиней должен в некоторой степени соответствовать ее статусу.

– Я соответствую! – Во мне неожиданно вскипел реальный бастард Арманьяк. – Да я...

– Жан... – мягко и умело прервал меня кардинал. – Я знаю это. Но свою истинную личину вы не можете являть. И тут как нельзя кстати его высочество Максимилиан сегодня даровал вам титул графа де Граве, с владением соответствующими землями и замком.

– Это в герцогстве Гельдернском?

– Да, на границе с Брабантом, – кивнул кардинал. – Адольфа Эгмонта, наследника герцогской короны Гельдерна, вы, как известно...

– Отправил в ад.

– Скажем, так... на суд Божий... – машинально поправил меня де Бургонь. – Поэтому все законно, и никто не оспорит ваш титул. Гельдернские Штаты приняли волю герцога Максимилиана, и вам как законному графу де Граве будут выплачивать восемь тысяч флоринов в год, исходя из вот этого договора... – кардинал выложил несколько футляров на стол и вынул из одного из них лист пергамента, – по которому графство Граве отдано Гельдернским Штатам в ренту сроком на десять лет. То есть вы получаете титул и доход, но землями не управляете и вступать во владение оными вам не требуется. Кстати, за этот год ренту вам уже выплатили...

На стол рядом с футлярами легла большая тяжелая шкатулка.

– А это именная грамота на титул. – Кардинал подвинул мне свиток. – Все честь по чести. Поздравляю вас, граф!

Где меня обманывают?... Бегло просмотрел грамоту и договор, убедился в том, что они настоящие... и глубоко задумался. Это каким таким чудесным образом Мергерит и кардинал обстрипали дельце с титулом? Только догадываться можно; однако теперь я граф. Конечно, только номинально, с одним титулом да рентой от земель, но факт остается фактом. Впрочем, забрать у меня титул обратно весьма просто. Пока устраиваю Мегги – граф, перестану устраивать – опять барон.

Хотя в любом случае я только что приподнялся еще на одну ступеньку по феодальной лестнице. Но все равно это далеко не тот статус, каковой у меня был дома. В Арманьяке я граф Божьей милостью, а тут всего лишь... Убью Паука! На ленточки распушу! Однако не время мордой торговать. Внимательно слушаем, каких таких услуг, кроме ублажения Мегги

в постели, от меня еще жаждет этот пройдошный поп за графство. А так... Почему бы и нет, спрашивается, тем более что баронство у меня никто не отнимает.

– Что, что от меня требуется? Огласите, пожалуйста, полный список...

Засиделись мы с ним допоздна. Если вкратце, то по какой-то причине церковь не желает, чтобы Паук забрал нидерландские владения Бургундии. Да и саму Бургундию. Церковников, как и Мергерит с дочуркой, тоже больше устраивает присоединение к Священной Римской империи, но после того как Макс сменил папеньку на троне кайзера. Обычными военными методами справиться сейчас с Пауком трудно, но помимо прямой войны запланировано совершить целый ряд действий, которые должны в итоге обеспечить победу. Макс, конечно, будет воевать – вояка он хоть куда, подтверждаю, но все же нуждается в помощи и тактичном, незаметном руководстве. Что и собираются делать Мергерит с кардиналом.

Вот над обеспечением этого плана мне как раз и предстоит поработать. Конечно же совершенно далекими от законных методами. Для начала – потопить к чертям собачьим корабль с посольством Паука к кингу Англии, потом добыть деньги, затем выжечь каленым железом крамолу в рядах союзников и пополнить разными интересными методами количество оных. Естественно, убавить количество врагов. А еще... словом, много чего...

Да, кстати, основной план разработала Мегги. Она же привлекла на свою сторону церковь и ультимативно потребовала меня в качестве исполнителя. И в качестве любовника – тоже. Церковь постаралась ее требования удовлетворить, благо задачи у них совпадают. Пока совпадают.

А плевать! Собираетесь вредить Пауку? Тогда нам по пути. А свои личные дела уж как-то увяжу с основными задачами, тем более что они пересекаются. А Мегги... Мегги будет для души.

Несколько раз в трапезную заглядывали дамы из свиты герцогини, как бы намекая заканчивать с базарами, и наконец, условившись договорить за завтраком, мы с кардиналом разошлись. Он отправился в покои, отведенные ему на ночлег, а я к себе.

Шагнул за порог и сразу услышал удары, доносящиеся из тренировочной залы. Кто-то активно лупил деревянным мечом по манекену. Я эти звуки ни с чем не перепутаю. Очень интересно...

Шаг, еще один...

Стройная невысокая девушка в тренировочных доспехах довольно умело, в итальянском стиле, обрабатывала мечом манекен. Бедный аж стонал под ее ударами. Почувствовав чужое присутствие, фехтовальщица резко обернулась и мгновенно стала в позицию.

– Ваше сиятельство, защищайтесь! – Мергерит Йоркская лихо взвизгнула и кинулась на меня в атаку.

Я молча выдернул из подставки тренировочный меч, в два приема обезоружил Мегги, потом подхватил ее на руки и потащил в спальню.

– Жан!!! – счастливо пискнула герцогиня, прижалась к моей груди и застенчиво прошептала: – Как мне доносят, вы всегда лично моете своих любовниц. А чем я от них отличаюсь? К тому же я приказала приготовить очень много горячей воды. Ну просто о-о-очень мно-о-ого!..

– Ты отличаешься, моя роза! Очень отличаешься! – Я круто развернулся и направился в мыльню. – Ты лучше всех, и я буду любить только тебя. И мыть...

А сам подумал: пока не приучу как следует мыться – конечно, буду сам драить. Так сказать, вносить посильную лепту в дело прогресса путем приобщения к элементарной гигиене. Как же вас, грязнуль, любить, немых-то...

Глава 3

Первые лучи света, проникнув через цветные витражи окон, разбежались разноцветными зайчиками по золотому шитью гобеленов на стенах и матовой, словно светящейся изнутри коже обнаженной герцогини, раскинувшейся на кровати. Я медленно провел ладонью по ее бедру...

– Вы уже проснулись, граф?.. – не открывая глаз, сонно прошептала Мергерит и, муркнув как кошка, прижалась ко мне всем телом. – Тогда и я... сейчас... проснусь...

– Спи, моя королева... – Я осторожно освободился и пошлепал босыми ногами в тренировочный зал. Быстро размялся и выбрал себе меч потяжелее.

– Ой... – Закутанная в простыню Мегг уже стояла на входе. – Ты собираешься заниматься... голым?.. Голым?!

– Одеться? – Я крутнул меч в руке и повернулся к ней.

– Нет... – Мегги подошла и застенчиво спрятала лицо у меня на груди. – Но не прогоняй меня... Хочу... хочу... посмотреть...

– Тогда, – я сбросил с нее простыню, – бери меч и повторяй за мной.

Мегг невольно прикрылась руками и залилась краской, но уже через мгновение решительно шагнула к стойке и взяла рапиру.

– Отработаем базовые стойки с переходами... – Я запнулся, глядя на обнаженную герцогиню, а потом бросил меч и увлек ее на маты. Какая, к черту, тренировка...

Потом, уже через некоторое время, поливая меня из кувшина, она смущенно выговаривала:

– Так нельзя, Жан...

– Почему?

– Это... это... грешно... – Краска не сходила с лица Мергерит.

– Лей. Почему грешно?

– Ну... ну... – Мегги все время норовила спрятать от меня глаза. – Сам знаешь...

– Глупости. Иди сюда... – Я приподнял ее, поставил в корыто и зачерпнул черпаком теплой воды...

– Жа-а-ан!!!

М-да... все закончилось так, как и должно было закончиться. При всей своей дремучей средневековой застенчивости Мергерит оказалась невообразимо страстной и, главное, от природы талантливой любовницей. Хотя и пугающе неопытной. И страшно невежественной.

С удивлением поймал себя на мысли, что с тоской думаю об отъезде. И с еще большей тоской и злостью пообещал себе разобраться со своими чувствами. В очередной раз. Совсем барон... тьфу ты, граф, запутался. Есть Матильда, есть Земфира, и каждой из них находится место в моем сердце. А теперь еще Мегг... Но ладно...

Мергерит через потайную дверцу убежала одеваться в свои покои, а я погнал взашей слуг, после чего облачился сам. Завтракали мы вместе, но уже по полному этикету, на разных концах здорового стола, в присутствии придворной свиты в полном ее составе. Век бы не видел эти приторно-угодливые рожи!..

После завтрака успел перемолвиться словечком с кардиналом, после чего он отбыл к себе в резиденцию. Как вы догадываетесь, я полностью принял его предложение.

Затем набежала хренова туча портных и два часа изводила меня обмерами и примерками. Видите ли, герцогиня Бургундская возжелала, чтобы у графа де Граве, то есть у меня, был в замке свой гардероб. Твою же мать...

А после обеда случилось давно ожидаемое, но все же неожиданное событие.

В сражении при Нанси половина соратников Карла погибла, а остальные, в подавляющем большинстве, попали в плен. Те, кто к швидам, закончили печально – их забили на месте

боевыми цепами и молотами, потому что козолобы пленных в принципе не берут, а вот те, кто к эльзасцам и австриякам, все же выжили и теперь томились в застенках в ожидании выкупа. Некоторых освободили почти сразу после того, как они приняли предложение Паука служить ему, ну а несколько дворян – мало, всего ничего от общего числа – все-таки отказались идти на сделку со своей честью. Я не успокоился, пока не собрал деньги на их освобождение. Большую часть дали Мария с Мергерит, часть собрали родственники, а остальное внес я сам. Сравнительно немного, но факт есть факт. И отправил договариваться Уильяма.

Персеваны зычно дунули в свои фанфары и синхронно отворили створки дверей, придворные сдержанно загомонили, герольдмейстер, торжественно печатая шаг, вышел на середину тронной залы...

Я наблюдал за событиями, стоя рядом с Мергерит в качестве гранд-камергера, но уже двора вдовы герцогини.

Тук уже успел доложить мне в приватной аудиенции об успехе миссии и теперь, благоухая чесноком и пивом, переминался с ноги на ногу рядом. В знак одобрения я двинул его кулаком в бок и увидел в ответ довольную улыбающуюся рожу. Скотт сам понимает, что справился с поручением на отлично, причем умудрился даже нешуточно сэкономить. Но это и неудивительно, Логан уперт, как осел, и скуп, как тысяча еврейских менял. За что и ценю, когда дело касается моих личных средств.

– Кавалер ордена Золотого Руна, граф де Шиме, Филипп де Круа!!! – хорошо поставленным голосом громыхнул герольдмейстер.

Высокий, мертвенно-бледный кавалер в голубом жакете, одной рукой придерживая меч, четко промаршировал к трону, поклонился Мергерит и стал перед ней на одно колено.

Немедленно всплыла в памяти картинка из сражения при Нанси. Филипп с горсточкой приближенных ринулся прикрывать наш отход. Уже все его люди пали, а он все еще отмахивался обломком древка своего личного стяга. Я хорошо помню взгляд, который он послал мне, разворачиваясь навстречу эльзасским рыцарям.

Граф нешуточно фрондирует, представляясь по случаю освобождения первой Мергерит, а не Максимилиану с Марией. Но, думаю, ему это сойдет с рук, потому что вопрос с назначением Филиппа на мое место, оберкамергером Отеля, уже решен. Оливье де ла Марш лично поддержал его кандидатуру. Филипп – воин от Бога и сторицей воздаст Пауку за свои лишения.

– Граф де Ромон, Жак Савойский!!!

В зале появился слегка прихрамывающий сутулый мужчина. Он тоже стал на колено перед троном.

Я зло сбил слезу обшлагом пурпуэна. Уроды! Жак, некогда пышущий здоровьем крепыш, превратился в собственную тень. При Нанси он ударил со своими жандармами во фланг и пробился в самый центр колонны австрийских рыцарей, сбил знамя, но без подмоги ничего большего не сумел сделать. Рыцарь без страха и упрека, мой друг – с гордостью его таковым называю.

– Болдуэн де Ланнуа сеньор де Моллембо!..

– Людовик де Бурнонвиль сеньор де Фленна!..

– Сеньор де Лувинье!..

– Сеньор де Кард!..

Еще несколько мужчин прошли тронный зал и стали на колено перед Мергерит. Всех лично знаю, сражались вместе во многих кампаниях, а с Болдуэном, в бытность его губернатором Фландрии, помимо серьезных дел опустошили множество бочонков с вином. Уже то, что все они отказались перейти на сторону врага, отлично характеризует этих дворян. Мергерит не зря проявила участие в судьбе пленных – это будут уже *ее* люди, люди в окружении и армии Максимилиана. На самом деле лобби вдовы Карла в Отеле весьма немалое, ведь есть еще Оливье де ла Марш, Филипп де Равенштайн и немало влиятельных дворян, преданных лично ей.

Так что каждый свой шаг невольно, даже не подозревая о том, Максик будет обсуждать со своей тещей. Не знаю, как случится на самом деле, время покажет, но по крайней мере так задумано.

Дальше все было печально и торжественно. Дворяне принесли личные извинения вдове за то, что не смогли уберечь ее мужа, она великодушно простила их и в знак признательности за службу лично вручила памятные подарки. После чего они отправились в Отель представляться герцогу, но предварительно пообщались со мной.

– Брат! – Филипп де Круа крепко обнял меня. – Я знаю, это ты добился нашего освобождения и потратил собственные средства. Я не забуду...

– Мы не забудем! – пылко воскликнул Жак Савойский. – Сегодня непременно надо встретиться и хорошенько отметить это дело.

– Братя, я уезжаю...

– В армию? – оживился Болдуэн де Ланнуа. – Ну тогда мы скоро там увидимся.

– Я вышел в отставку...

Дворяне засыпали меня вопросами, но я отговорился плохим состоянием здоровья. Вряд ли поверили, но это уже не важно. Да и не нужно им ничего знать.

Проводив бывших пленников, я уединился с Туком. Есть о чем поговорить.

– Моншьер!.. – Тук восторженно отсалютовал мне обглоданной куриной ножкой. Он не слезал с седла двое суток, дико изголодался и теперь со страшной быстротой уничтожал печенного каплуна. И не только его.

– Не подавись. – Я плеснул ему в кубок вина.

– Ни-ко-гда! – по слогам уверенно заявил Уильям и присосался к чаше. – Уф! Поздравляю, ваше сиятельство! Это же... это же...

– Держи. – На стол плюхнулся увесистый мешочек. – Молодец, отлично сработал. Теперь вот такое дело...

Логан, по своему до сих пор не изжитому обычаю, сунулся было целовать мне руку, но вовремя опомнился, ловко подхватил кошель и с ожиданием уставился на меня.

– Твое прошение об отставке уже удовлетворили, – не торопясь сообщил я ему. – Не передумал?

– Не-а, сир... – энергично замотал патлатой головой юнкер ван Брескенс. – Куда вы, туда и я. А служить... хватит уже. Дома надо делами заниматься. Сами знаете, как без призора бывает. Да и по Бруле с детишками истосковался. Большого, чем сейчас, все равно не выслужу...

Отхлебывая по глоточку вино, я слушал его и поражался тому, как лихо кривит душой братец Тук. Хотя и не во всем. Некоторый резон в его словах все-таки есть. Прижимистый скотт скопил уже достаточно кругленькую сумму, и, учитывая, насколько хорошо у него идут дела в поместье, служить ему на государевой службе уже просто смысла нет. Но сейчас он нагло врет. Нагло, но безобидно.

Как только я поделился с ним замыслом покинуть службу, Логан сразу же собрался расстаться с должностью кондюкто лейб-гвардии, хотя об этом раньше и не заикался. И дело тут не только в личной преданности, в которой, кстати, я абсолютно не сомневаюсь. Имел возможность неоднократно убедиться в оной.

На самом деле Логан считает меня своим счастливым талисманом и твердо уверен, что хоть какой-то успех в жизни возможен только рядом с человеком, подобравшим его в лесу возле Лектура. Да что там, скотт дико суеверен и убежден, что, пока рядом бастард Арманьяк, он вообще неуязвим аки Ахиллес. Правда-правда: сам проговорился, будучи в изрядном подпитии. Но в этих утверждениях изрядная доля логики все же присутствует. Мы с ним вместе столько передраг невоскресимыми прошли, что поневоле уверуешь в зависимость друг от друга. А насчет меня в качестве талисмана он тоже в чем-то прав. Логан за сравнительно короткое время из монаха-саморасстриги в розыске превратился в рыцаря, командира роты лейб-гвар-

дии, покрыл себя славой и милостями, к тому же обзавелся именем. И все это благодаря мне. Так что пусть врет, я не в обиде, тоже расставаться не хочу: давно держу его за брата и даже скучать начинаю, когда долго не вижу этого скупца и грязнулю.

– Понятно. Сам понимаешь, без дела мы не останемся.

– Угум...

– Послезавтра отбываем.

– Значит, отбудем, сир... – Логан беспечно отмахнулся костью.

– Почему не спрашиваешь, куда и зачем?.. – Я налил себе немного вина в бокал.

– Сир... – Логан укоризненно на меня посмотрел. – Надо будет – расскажете. А так – чего гадать? Известное дело, опять вяжемся в драку, наделаем пакостей Пауку, порубим кого-нить, сами шишек заработаем, покроем себя славой и на золотишко разживемся. Все как всегда.

– Ты же вроде как по Бруле соскучился... – едва не рассмеялся я.

– Подождет она Бруля! – строго заявил Логан и прихлопнул лапищей по столешнице. – Муж не груши хреном околачивает, а славу для рода и семьи зарабатывает. Правильно, мон-сьор?

– Правильно. Значит, доедай и вали домой. Готовьтесь. С собой возьмем всех наших.

– А вы?

– А я пока здесь. Завтра под утро вернусь.

Тук недоуменно крутнул головой вокруг.

– Так это ваши покои? У-у-ух... – озадаченно протянул он. – Я правильно все понимаю?

– Что ты понимаешь?

– Ну-у... вы... это... – Он вдруг сорвался с места, поднял валявшийся возле кровати женский платочек и ткнул пальцем в вышитую на нем монограмму.

– А это уже не твое дело... – буркнул я в ответ и поклялся посадить на кол всех слуг. Всех до единого. Ей-ей, запорю сволочей.

– Сир! – Логан почтительно поклонился мне. – Я всегда верил в вашу счастливую звезду! И знал, что вы...

– Заткнись! – Я погрозил ему кулаком. – И вали.

– Сир, если надо будет, я откушу себе язык! – торжественно заявил юнкер ван Брескенс и, скорчив жалобную мину, попросил: – А можно я доем? И допью...

– Можно, можно...

Пока он ел, я размышлял над смыслом своей жизни. И в который раз убеждался, что меня все устраивает. Да, согласен, порой страшно. Особенно страшно оплакивать друзей и соратников, да и самому ходить по лезвию бритвы – сомнительное удовольствие. Но, черт возьми, я просто наслаждаюсь такой жизнью. И вообще, давно понял, что попал в свое время, а в двадцать первом веке был лишним. Ну... не совсем, конечно, лишним, но здесь мне больше нравятся. Гораздо. И ничего менять я не собираюсь, все устраивает. На этом и остановимся.

Выпроводив Логана, занялся своими прямыми обязанностями оберкамергера двора вдовствующей герцогини. Устроил смотр, отодрал в хвост и гриву стражников, провел небольшие учения, а потом еще раз образцово-показательно отодрал. Для порядка. А затем обошел укрепления, изыскал недостатки и пообещал коменданту, что распну его лично, если в течение месяца не подправят машикули, не вычистят ров и не отремонтируют лафеты на двух крепостных рибодекинах.

После чего неожиданно оказался в будуаре Мегги, с томиком «Декамерона» Боккаччо в руках. Герцогиня и дамы из ее свиты занимались рукоделием, а ваш покорный слуга услаждал их слух похождениями развратных обитателей Апеннинского полуострова. Даже весело получилось: к концу чтений мы все немного расшалились и устроили театрализованное представление по мотивам произведения. Конечно, в рамках средневековых приличий. Хотя нет, все же чуть-чуть выходя из оных. Дамы – они особы такие... увлекающиеся. Даже в пятнадцатом веке.

Вечер продолжился конной прогулкой, а закончился ужином в моих покоях, спонтанно прервавшимся внезапной страстью.

– Вы невероятный развратник, граф... – лукаво шептала мне на ухо Мергерит. – О-о-о! А я не верила слухам о вас...

– И что же обо мне говорили, моя роза? – Я провел пальцем по вздрагивающей от прикосновений груди Мегги. – Уж очень хочется знать. Уж не...

– Жа-а-ан! Так нельзя!!!

– Можно! – Я рывком перевернул герцогиню на живот. – Даже нужно!

– Да-да, про это тоже говорили, но ты не останавливайся... А-а-а...

А через мгновение я уже был готов истребить всех в слуг в замке, вместе с камеристками и статс-дамами заодно. Твою же кобылу в дышло, это уже становится традицией... Вы уже догадались? Да, на самом интересном месте раздался деликатный стук в дверь, после чего мне сообщили, что прибыл гонец от кардинала и привез срочное письмо. В котором его высокопреосвященство кардинал де Бургонь писал, что мне необходимо немедленно выдвигаться, ибо... М-мать!!!

Ну и выдвинулся, куда денешься; правда, прощание с Марго несколько затянулось...

Глава 4

– Я сама... – Земфира строго зыркнула на пажей и ловко принялась зашнуровывать юшман.

Луиджи и Пьетро в нерешительности помялись на пороге и, не услышав от меня иного приказа, угрюмо бурча, вышли из комнаты.

Я промолчал, хотя экипировать господина в доспехи – их прямая обязанность и даже привилегия. За которую они готовы сражаться с любым, не щадя себя. Но не в случае с Земфирой – ее братья немного побаиваются, к тому же прекрасно знают, как относится господин к сирийке.

– Мой господин, я приготовила вам в дорогу лепешки и бастурму... – печально шепнула девушка.

– Ты печалишься, моя ласточка? – Я взял в ладони лицо девушки и внимательно посмотрел ей в глаза.

– Вы уезжаете, и ваша недостойная рабыня...

– Опять за свое... – Я притворно тяжело вздохнул. – Я так понял, ты это специально, чтобы позлить меня?

А сам внутренне улыбнулся, так как предсказал эту сцену еще пару часов назад и даже знаю, чем она закончится.

– Вы разлюбили меня, господин! – со слезой в голосе заявила Земфира. – Почему вы не берете меня с собой? Неужели вы... вы...

М-да... в этом она вся. Девушку я нашел замурованной заживо в подземельях аббатства Сент-Жюстин во время Лотарингской кампании. Тогда еще не было известно, за что ее так жестоко наказали церковники, да я особенно и не разбирался, просто освободил девчонку, и все. Думал, не выживет, но она выкарабкалась. Спасла сирийку цыганка Лилит, знахарка, а одновременно с ней выходила и меня после того, как вашего покорного слугу отравили. Но об этой истории я уже рассказывал. Как позже выяснилось, Земфира оказалась христианкой, причем не новообращенной, а из древнейшей восточной конфессии маронитов, и дочь очень богатого купца из Алеппо. Каким образом она попала в европейский монастырь, долгое время оставалось неизвестным. Она скрывала эту историю, а я не спешил допытываться, но в итоге стало ясным, что ее обманым путем похитил португальский дворянин, а когда не добился от девушки взаимности, попросту сдал в монастырь. Ежели доведется нам встретиться, Луиш Нуньес ответит за это, но надо отметить, поступил он более чем гуманно, ведь мог попросту изнасиловать и продать пленницу в бордель. Но это уже не важно: совершенно неожиданно для себя я всем сердцем полюбил строптивую сирийку. В свое время я послал весточку ее родителям и пообещал вернуть домой, а теперь... даже не знаю.

– Господин, – печально и решительно произнесла она, – думаю, вам стоит продать меня...

– Продать, говоришь?

– Да! Нелюбимых наложниц всегда продают! – почти выкрикнула девушка.

В который раз я невольно залюбовался сирийкой. Когда мы ее нашли, Земфира была больше похожа на замученного воробушка, а сейчас...

Всегда удивляюсь, каким удивительным образом в ней сочетаются европейская и восточная красота. Смолисто-черные выющиеся волосы и белоснежная, без малейшего намека на смуглость, кожа. Огромные миндалевидные жгучие глаза, и лицо с абсолютно славянскими чертами. А вот характер, скорее всего, как у тигрицы...

– И долго ты будешь возиться? – В комнате появилась Лилит. – Твои побрякушки я за тебя собирать буду?

Земфира в растерянности оглянулась на цыганку.

– Да-да, тебе говорю... – заявила Лилит, притворно строго смотря на сирийку. – Господин нас долго ждать не будет. И учти, едем верхом, так что обрядись соответствующим образом, а наряды твои придут с обозом.

– Жан!!! – счастливо воскликнула девушка и бросилась мне на грудь. – Так ты берешь меня?

Молча развернул ее к двери и придал ускорение, слегка прихлопнув по попке. Оставлять сирийку в Генте, в опасной близости к Мегги, было бы не совсем разумно. Герцогиня в первую очередь – влюбленная женщина, она может в порыве ревности попросту приказать устранить соперницу. Поэтому я решил перебазировать Лилит и Земфиру в свою усадьбу в Антверпене, благо и там надо потихоньку обживать.

– Несносный злока! – Земфира погрозила мне кулачком и пулей вылетела из комнаты.

– Это точно, злока... – пробурчала Лилит. – Издеваешься над девчонкой. Стой, стой, не шевелись. Я помогу тебе.

– Даи, я до сих пор не уверен, что поступаю правильно, взяв вас собой. Мне через двое суток надо уже быть в Антверпене, поэтому никакого комфортного путешествия не ожидайте.

– Сынок, сынок... – укоризненно покачала головой цыганка. – Не так уж я стара, как ты думаешь. Но уже сидела в седле, когда ты еще не родился. А девчонка вообще разезжает, как дикий турок. Так что не беспокойся. На нас можешь даже не оглядываться.

– Угу...

– Подожди... – Лилит положила мне ладонь на лоб и закрыла глаза. – Вай-вай... совсем заездила тебя англичанка. И молчи, я сама знаю. Ну что же... плохого я не вижу, вроде как давно любит. Но все равно будь осторожен и не забывай о Земфирке. Она точно любит тебя без памяти и всегда останется верной. А это... – Цыганка на мгновение изменилась лицом.

– Что?

– Ничего... – Она помотала головой, словно прогоняя видение. – Я и сама не знаю. Ну вот, готов уже. А я пошла, подгоню Земфиру... – Цыганка быстро вышла из комнаты.

Я же сел поработать над картой. Черт, как же не вовремя! Шебека стоит после ремонта на верфи в Антверпене, туда же ушел гукер с экипажем. Так что вместо баронии, до которой всего двенадцать лиг, придется пилить в Антверпен, то есть все пятьдесят. А времени в обрез: послы Луи из шато Плесси-Ле-Тур отправляются в Ла-Рошель уже послезавтра. Правда, нас выручает, что им придется преодолеть расстояние даже большее, к тому же послы часть пути проплывут по Луаре, что еще больше замедлит франков. Так что мы должны успеть. Главное, чтобы информация оказалась верной.

Вот же, собака коронованная, что удумал... Луи собрался предложить кингу Эдику, то есть королю Британии Эдуарду, тому самому, что единоутробный братец моей Мегги, вторгнуться во Фландрию и Брабант. Даже предлагает ему оплатить военную экспедицию и признать на веки вечные за Британской короной крепости с городами на побережье Нидерландов. Обманет, конечно, на то он и Паук, но из верных источников стало известно, что некоторые авторитетные личности в окружении кинга вовсе ему советуют денежки принять, оттяпать все что удастся и, в свою очередь, кинуть Паука. Вероятность такого развития событий, конечно, очень мала. Эдуарду сейчас не до Фландрии, но перестраховаться не мешает. А нагадить Пауку, воспользовавшись моментом – тем более. Что, по мере сил, я и собираюсь сделать.

Бросил свинцовое стило с линейкой на стол и откинулся на спинку кресла. Интересно, а что там Лилит привиделось? Как-то беспокоит меня этот момент. Лилит никогда ничего просто так не говорит. К тому же она немножечко ведьма, так что...

– Что? – спросил я сам у себя. И, не найдя ответа, спрятал карту и принялся перезаряжать пистолеты и аркебузу. Это благородное занятие меня успокаивает.

Примерно через час примчались братья и сообщили, что всё и все к отбытию готовы. Ну что же, действительно пора. Подвесил к поясу тальвар, засунул пистолеты за кушак и вышел на крыльцо.

– Здравжеламвашиятельство!!! – встретил меня на пороге дружный рев луженых глоток. Правда, на фламандском языке сие приветствие звучит не так браво, как на русском, но все равно *звучит*. Да, каюсь, сам научил, из хулиганских побуждений. И не только этому.

Вот они, мои ухари-горлорезы, иначе и не назовешь. Редкостной ценности и редкого качества народ. Как там говорил Маяковский – гвозди б из такого народа делать; крепче б не было гвоздей? Или это поэт Николай Тихонов сказал? Не помню, да и не важно; важно, что это сказано как раз про моих живорезов. Некоторые со мной вместе еще со времен службы моей в должности лейтенанта арбалетчиков наемной ватаги рутьеров. Раньше они носили белые котты с красным крестиком на груди, а сейчас уже зеленые, с гербом графа де Граве... Стоп, вру, конечно: еще даже не заказаны наддоспешники с графским гербом, не успели, так что пока – герб кавалера ордена Золотого Руна барона ван Гуттена. Но это и не важно.

Вот мордатый огненно-рыжий приземистый здоровяк с порубанной мордой, Петер ван Риис, великолепный повар, да и рубака хоть куда. А этот верзила с кровожадной рожей, сержант Якоб Бользен, одним махом, не отрываясь, выпивает бочонок пива и может из арбалета ласточке в глаз попасть. Рядом с ним Питер Нидербоккер и Курт Боулингер, таких храбрецов свет еще не видел – тоже мастера-арбалетчики. Вот браво тарашится Гуус Бромель, в прошлом отрядный капеллан банды рутьеров, а сейчас... да и сейчас капелланом считается. А вообще он спитцер от бога: такие фортели пехотной пикой выделяет – диву даешься. Великан с рожей, сшитой как у Франкенштейна, – это Виллем Аскенс, добрейшей души человек, муху зря не обидит – он виртуозно владеет профессией профоса, то есть палача. Если Вилли сажает клиента на кол, то можно быть уверенным – оный клиент сядет как положено и будет подыхать долго и мучительно. Немного в стороне от остальных держатся Энвер Альмейда и еще десяток бородачей в чалмах – мои аркебузиры. Они христиане, но живут на мусульманских территориях, оттого и такого сарацинского вида. На редкость способный к огневому бою народец. Да и вообще бойцы из лучших. Было их больше, но остальные ушли домой. Ну и в завершение – пятерка негров, самых настоящих. Гавриил Зеенегро, «в девичестве» просто Мвебе, у них главный. Этих негрил я освободил из рабства, и теперь они считают меня своим хозяином. Звери, а не бойцы, ну и вида соответствующего. Враги особенно впечатляются, порой до смерти, да и обитательницы борделей тоже. Правда, всего лишь до потери чувств.

И тут непременно возникнет вопрос: а почему столь полезные и умелые люди находятся при мне, а не служат кому-либо другому? Ответ достаточно прост. В нынешнее время у всех есть хозяин. Сервы, вилланы, даже свободные горожане – все имеют своего господина. Мало того, это правило действует и на дворян, будь то барон, виконт, граф или даже герцог – все они имеют своего сюзерена. Я не упомянул о титулах «Божьей милостью», так как на данный момент таковых уже почти нет, одним из последних был мой папенька конт Арманьяк, а я как наследник – не в счет, ибо официально ему не наследовал. Есть еще владетельные герцоги, до недавнего времени таковых было целых два, а со смертью Карла Смелого остался всего один – дюк Бретани. И еще, как ни странно, виконт Беарна – тот не только «Божьей милостью», но и «его высочество», так как папа римский признал его права как принца. Но это ненадолго, туда клятый Паук уже внедрил свою сестру в качестве агента влияния – прекрасную Мадлен. О Мадлен, Мадлен... видно, не судьба...

На этой феодальной лестнице каждый сверчок знает свой шесток. Так вот: будь ты хоть семи пядей во лбу, все равно твоя судьба во многом зависит от твоего господина. Причем далеко не всегда хорошего. Вот люди и стараются держаться толковых хозяев, потому что прекрасно понимают: только такие по достоинству оценят их службу. Конечно, в некоторых слу-

чаях можно поменять господина, но это достаточно проблематично, да и кто даст гарантию, что новый сюзерен будет лучше?

В армии точно так же. У солдат это правило проявляется еще ярче. От правильного капитана во многом зависит не только солдатская жизнь, но и количество золотишка в мошне. Что может быть важнее этого для служаки? Да ничего.

Без лишней скромности скажу – именно таким командиром я и являюсь для своих людей. Они идут за мной, потому что понимают – я их никогда не предаю и не брошу, более того, всегда изыщу возможность достойно вознаградить.

Стоп, стоп... что-то я ударился в самовосхваление. Прямо бронзовую на ходу. О ком я еще забыл упомянуть? Ах да...

Ну и, конечно, с нами отправляется юнкер Уильям ван Брескенс вместе со своими двумя оруженосцами – Юргеном и Михелем. Здоровенные детины, под стать своему господину, причем оба его дальние родственники по жене – Брунгильда ультимативно муженьку навязала. Храбрые молодцы, этого не отнять, но пока к ним присматриваюсь. Новые для меня люди. Тут их колотит нещадно – применяет прогрессивные методы воспитания. И ничего – терпят, ибо понимают, что в противном случае так останутся на всю жизнь мелкопоместными дворянчиками без титулов и чинов.

Короче, банда еще та, общей сложностью тридцать человек – это вместе с еще не представленными персонажами.

Но есть еще один, с виду не такой лютый, но не меньшей полезности, если не большей. Прошу любить и жаловать: мой обер-аудитор, а если по-простому, то бухгалтер Хорст Дьюль. Без меры вьедливая и нудная скотина, но терплю, ибо стоит своего веса в золоте, если не больше. Хотя порой невыносимо хочется его повесить.

– Ваше сиятельство, – почтительно доложил Логан, – все готово к маршу.

Я скосил глаза и разглядел с краю строя Земфиру, Лилит и их общую служанку Мальвину. Сирийка умело гарцевала на чистокровной арабской кобыле и больше всего походила на юного сарацинского воина без бороды. С длинными полами зеркальный доспех дорожного индийского изготовления, тюрбан, османский лук в саадаке да длинный ятаган у пояса. Словом, лихая воительница. Кстати, владеет оным вооружением вполне прилично. Луком – так особенно. Ну-ну... посмотрим, как запоешь, когда пару дней по жаре погарцуешь в железе. Хотя, судя по ее упорству, должна справиться.

Лилит соблюла приличия, не стала наряжаться в мужскую одежду и выглядела почтенной кастильской матроной. В седле держится уверенно, к тому же, когда отъедем от города, она переседет из этой жуткой конструкции в нормальное мужское седло. Как и служанка, в прошлом боевая маркитантка по прозвищу Волчок. Тоже проверенная... гм... в некоторой степени девица, не должна подвести. Так, вроде все нормально. Все о конь, заводные лошадки с поклажей тоже на месте. Значит, не стоит больше медлить.

Я ступил с крыльца, огладил своего жеребца по холке и вскочил в седло.

– С богом! Выступаем!.. – Покрутил головой, определил, что горожане только начали вставать, и из озорства скомандовал: – Запевай!!!

Виллем Аскенс немедленно затянул пронзительным тенором:

Зеленою весной под старую сосной
С любимую Петер проща-а-ается,
Кольчугой он звенит и нежно говорит –
Не плачь, не плачь, Гертруда, краса-а-авица...

И уже через мгновение его поддержал дружный рев пропитых глоток, пронесшийся громом по узеньким улочкам:

Гертруда-а-а молчит и слезы льет,
От гру-у-усти болит душа ее.
Кап-кап-кап, из ясных глаз Гертруды
Капают слезы на копье.
Кап-кап-кап, из ясных глаз Гертруды
Капают горькие, капают, кап-кап,
Капают прямо на копье...

А я, слыша истошные проклятия разбуженных бюргеров, счастливо расхохотался и пальнул из пистоля в воздух.

– Нет, черт возьми, жизнь все же отличная штука!!! Весело мне, мать вашу! Воевать едем! А это всегда весело!..

Глава 5

На самом деле в длительном конном переходе очень мало приятного. У него нет ничего общего с вальяжным променадом на лошадке, во время которого ты успеваешь развлечь куртуазным разговором спутницу и одновременно услаждать свой взор живописными пейзажами. В реальности длительное и быстрое путешествие на лошадях, мать их так, это адская усталость, полный рот пыли и онемевшее до крайней бесчувственности седалище.

Так что когда на горизонте показались башни славного города Антверпена, у нас из глоток невольно вырвался ликующий рев. Добрались, мать его ети, причем вовремя, без потерь и вообще даже без происшествий. И дамы не подвели, хотя я только могу догадываться, насколько им тяжело пришлось. Земфирка удивила, всю дорогу держалась за мной как привязанная, да еще на ходу пуляла из лука по всякой живности. И даже попадала. Не девчонка, а кентаврица какая-то.

Кони, как будто предчувствуя скорый отдых, пошли веселее, и уже через два часа мы добрались до моего загородного поместья. Сам я в нем был лишь раз, сразу после покупки. Ничего особенного: добротный, похожий на маленькую крепость каменный дом, пристроенный к старинной башне, хозяйской и большой пруд с ленивыми здоровенными карпами да дикая дубовая роща вместо сада. И это все расположено на двадцати моргах землицы. Надо бы заняться имуществом, перестроить здесь все по своему вкусу, но катастрофически нет времени. А пока и так сойдет.

Само поместье досталось мне совершенно по случаю; им покрыл свои долги у Исаака один разорившийся купчина, а я формально выкупил уже у иудея. Благо оный на меня работает. Кстати, хорошо работает, даже отлично, но об этом позже.

В поместье остались отряд и женщины, а сам я, наскоро приведя себя в порядок, вместе с Логаном, его оруженосцами и Хорстом Дьюлем отправился на верфи, где стоит после ремонта моя «Виктория». Да и проведать старого лиса Исаака тоже не помешает.

Антверпен. Могущественный, богатеющий и увеличивающийся с каждым годом город, ибо является торговыми воротами Фландрии и Брабанта. А по сути – грязная и вонючая помойная яма, как и любое средневековое поселение. Подчеркну, абсолютно любое. Но все равно он настоящий бриллиант в короне Бургундии, и я сделаю все, чтобы эта драгоценность не перешла в корону Франции. Тем более у меня здесь торговая компания, коей я собираюсь и дальше благополучно владеть. Вернее, это не у меня компания, за такое по нынешним временам вполне можно титула лишиться, а у Исаака, а если точнее, у Исаака бен Маттафея, в прошлом ювелира из города Лектура, которого мы с Туком спасли от разбойников в самом начале нашей истории. Теперь он зовется Ивен Ридерхолле и является добропорядочным купцом-христианином, владельцем большой компании с торговыми судами и еще ряда предприятий, в том числе гончарной фабрики, двух плавилен и порохового завода, выпускающего самый качественный порох в Нидерландской Бургундии.

Так, приехали. Я соскочил с коня и бросил поводья слуге, дежурившему у входа в солидный особняк.

Неожиданно дверь распахнулась, из нее вылетел заполошный плюгавый клерк и с грохотом врезался головой прямо в мою кирасу. Ойкнул, сел на задницу и, тараща глаза, с ужасом уставился на препятствие, возникшее у него на пути.

А еще через мгновение, придушенно пискнув, повис, болтая кривыми ножками, в руке Логана. Лязгнул выхватываемый из ножен кинжал.

– Резать, ваше сиятельство? – Юрген, оруженосец Тука, слегка царапнул острием тощую шейку несчастного парня. – Оскорбление действием налицо...

Я ничего не успел ответить, так как в двери возник собственной персоной Исаак.

– Ой! Ой! Ваша милость, простите, простите, какое несчастье, какой же хам... – Постоянно озираясь в мою сторону, он вцепился в рукав парня и стал тянуть на себя. – Бога ради, простите дурачка, ваша милость...

Еще мгновение, придушенный писк – и уже сам Исаак повис в руке второго оруженосца, Михаэля.

– Резать, ваше сиятельство? – Кинжал уперся в кадык еврея. – Оскорбление словом налицо...

Тут на пороге появились два здоровенных громилы характерной еврейской наружности и с внушительными шипастыми булавами в руках. Они совсем было собрались на помощь Исааку, но, разглядев, с кем придется сражаться, нерешительно застыли на месте. Впрочем, воинственно потрясать дубьем и шипеть, словно драконы, не перестали. В завершение картинки из дверей вылетел еще один персонаж, низенький плешивый толстячок, и понесся по улице, завывая как сирена:

– Франки, в городе франки!!! Убивают, режут, помощи-и-ите, добрые люди!!! Спаси-и-ите!!!

Однако добрые люди ему помогать отчего-то не спешили, наоборот, улица начала стремительно пустеть. Но криками заинтересовался патруль городской стражи и стал стремительно приближаться к нам. А потом появился еще один.

М-да, конфузец, однако... Ладно, обойдусь без зверств. Устал как собака, и оттого добрый я.

– Отпустите их, – приказал я оруженосцам.

Исаак и клерк шлепнулись на брусчатку.

– Этого нещадно выдрать! Чтоб шкура лохмотьями слезала... – Мой палец указал на наконец заткнувшегося толстяка, а затем переместился на охранников еврейской наружности. – Этих тоже, аналогичным образом. Немедля. Юнкер ван Брескенс, прикажите своим людям присмотреть за исполнением. А ты – за мной... – Я подхватил Исаака под локоть и потащил в здание, напоследок бросив: – Драть так, чтобы я слышал.

– А с этим как, ваше сиятельство? – Юрген приподнял за шиворот зачинателя суматохи.

– Отпустите. Его прощаю. И уладьте дело со стражей.

В кабинете Исаака я немного поорал, так, для удовольствия, больно уж он забавно изображал испуг, а потом приказал принести сарацинской заразы, сиречь кофию.

– Я так понял, ты сюда всю еврейскую общину собрал? – Сделал осторожный глоток из чашечки и удовлетворенно кивнул: – Наконец научились нормально готовить, ироды...

– И чего это всю, совсем не всю, ваше сиятельство!.. – бурно кинулся оправдываться выкрест. – Только толковых самых. Вы же понимаете – местные... того-этого, а эти способные...

– Помолчи и послушай... – пришлось перебить еврея. – Ты уже не мальчик и прекрасно понимаешь, что все евреи, даже выкресты – под строгим надзором инквизиции. Тем более места их скопления. В то, что твои собратья полностью отказались от вашей религии, я не верю. Сам знаешь почему. Один из них попадетсЯ и на дыбе оговорит всех. Что тогда? И поверь, рано или поздно так случится. Тот факт, что с тобой на паях работает кардинальский эконоМ, тебе не поможет. А теперь назови мне хоть одну причину, по которой я разрешу тебе оставить их...

Поставил кофейную чашку на стол и внимательно посмотрел на приунывшего Исаака. Извини, братец, при всей моей до сих пор не изжитой толерантности современного человека я вынужден жить этим временем. К тому же что-то ты, дружок, много самостоятельности взял. Исключительно для твоей же пользы придется немного одернуть.

За окном как раз слышались хлесткие звуки ударов и истошные залиvistые вопли. Похоже, к экзекуции отнеслись более чем серьезно. Исаак вздрогнул и быстро пробормотал:

– Ваше сиятельство, я... я...

– Нужных для дела и своих родственников – можешь оставить. Но раскидай их по разным местам, чтобы глаза не мозолили, – милостиво подсказал я ему. – Учить тебя, что ли, надо? Остальных немедля вон.

– Как скажете, ваше сиятельство... – Исаак облегченно вздохнул. – Все сделаю.

– Вот и молодец. Теперь докладывай, что у тебя тут творится.

Еврей быстро метнулся к шкафу, снял с него и осторожно поставил на стол большой поднос. На нем стояли разнокалиберные стеклянные бутылочки с баночками и небольшие тонкие пластинки разной формы, тоже стеклянные, но уже разноцветные.

– Вот, ваше сиятельство! – с гордостью заявил он. – Первые изделия. Запустили наконец производство. Венецкое стекло идет в задницу... уж простите, ваше сиятельство, за крепкое словцо. Теперь свое есть. Мэтр Фен первые образцы собственноручно выдул. Кстати, тот шлемазл, что вас боднул, его первый ученик. Не хуже справляется. Заказов пробасть, не знаю, за какие в первую очередь браться. Подрядил художников, пусть учатся витражи составлять. Во всех церквях и соборах нашими будут. И таки да, о прибыли могу отчитаться. Значица, за первую декаду она составляет восемь тысяч...

– О прибыли – это с ним... – я показал на Хорста, скромно пристроившегося в уголке кабинета. – Что с порохом?

– А что с ним, ваше сиятельство? – Исаак картинно пожал плечами и достал из того же шкафа три миски, наполненные порохом разной градации зерен. – Вот, это из последней партии. Мэтр Фиораванти построил и запустил новую грохотку на водной тяге, теперича помол идет на пистольный, аркебузный и орудийный пороха. Как вы и указывали. Клянусь собственной бородой – лучшего никто не делает! Опять же с бурмистром договорились, он всех кандалников к нам на работу отправляет, а мы ему отгружаем первому на нужды гарнизона. Но тут закавыка образовалась. Всю селитру во Фландрии мы уже скупили. Примерно на месяц работы хватит. Но дальше – всё. Нет нигде больше, а по коровникам много не наковыряешь, да и пусто там, давно вычистили. Надо выход к сарацинам искать. Но и тут проблема: с недавнего времени у них вышел запрет поставлять ее неверным. Даже не знаю, что делать. Есть, конечно, ход к ломбардцам, но дорого, ой, дорого выйдет этот клятый китайский снег, будь он неладен!

– Попробую решить с сарацинами, – я протер шепотку пороха между пальцами, – а пока крутись сам, скупай все что найдешь, даже за любые деньги. Что с литейками? И это... прикажи подать того рыбного супчика, что твоя племянница делает. Да поживее...

Я невольно прислушался к бурчанию в своем желудке. Вот так, горю на работе, о себе не думаю. Все о деле да о деле.

– И манерку спиритуса не забудь... – окончательно озвучил я свои желания. – Да получше примите господина ван Брескенса с его людьми.

– Ваше сиятельство! В момент исполним! – Исаак подскочил с кресла и ринулся к двери. – Ривка как раз свеженький сделала. Да я и сам собирался предложить... Рахиль, Хиля, где ты, паршивка?..

Через несколько минут в кабинет величаво вплыла статная девушка в чепце, из-под которого выбивались буйные смоляные кудри. Рахиль, сохраняя почтительность на округлом милотвидном личике, кокетливо зыркнула на меня своими громадными глазищами, поставила на стол исходящую ароматным парком серебряную супницу и быстро принялась раскладывать столовые приборы.

Я невольно засмотрелся на девушку, настолько ловко все у нее получалось, а еще мои глаза сами по себе высматривали под платьем очертания ее округлой попки, которую Рахиль, склоняясь к столу, очаровательно оттопыривала. И явно намеренно. Нет, чудо как хороша девка. Знаете, такая яркая, пышущая здоровьем колоритная красотка. Забрать ее себе, что ли? Хотя нет, не буду, все равно всех не перетрахаеть!

Закончив с приборами, девица плеснула в стопку из графинчика, поставила ее на поднос и с поклоном преподнесла мне. Я отметил, что сервировался стол серебряными приборами, из-за сословных заморочек совершенно недопустимыми для личного пользования купцом. Значит, держат специально для меня.

– Твое здоровье, милашка... – Я отсалютовал девушке стопкой и опрокинул ее в себя, краем глаза успев увидеть, как встревоженный Исаак жестами приказывает племяннице убраться. Ну-ну...

Рахиль вспыхнула, по-простому, в пояс, мне поклонилась и, гордо вскинув головку, покинула кабинет.

– Вы про литейки спрашивали, ваше сиятельство? – зачастил Исаак.

Я зачерпнул ложкой янтарной жидкости с кусочком лососины, отправил ее в рот, помедлил, наслаждаясь вкусом, а потом сказал:

– Исаак, я вижу тревогу на твоем лице...

– Ваше сиятельство! – вскинулся еврей. – Да я...

– Помолчи... – Я зачерпнул ложкой еще супа, теперь уже подцепив кусочек белого мяса с красными прожилками, опознанный как очищенный хвостик креветки. – Я так понимаю, ты боишься за свою племянницу, подозревая во мне нехорошие умыслы?

– Ваше...

– Заткнись и слушай!.. – Я слегка повысил голос. – Не буду тебе напоминать, при каких обстоятельствах мы встретились...

Еврей, воспользовавшись тем, что я сделал паузу, горячо воскликнул:

– Молим! Я и мои девочки ежедневно возносим молитвы за вас, ваше сиятельство. Словами нельзя выразить нашу благодарность!

Я просто кивнул, давая понять еврею, что он правильно поступает, и продолжил:

– Судьба потом опять нас свела, еврей, и что: ты можешь меня упрекнуть в плохом отношении к тебе?

Исаак молча повалился на колени.

– Запомни, мой друг, – я намеренно допустил такую формулировку, абсолютно недопустимую в общении благородного дворянина с евреем, пусть даже и выкрестом, – я благоволю к тебе и в дальнейшем намерен поддерживать такой же уровень отношений. Но меня оскорбляют твои подозрения...

– Ваше сиятельство! – Исаак сложил ладони перед лицом. – Простите, бес попутал!!! Поймите, господин граф, вельми своенравна и горяча она, Рахиль, а я в ответе за нее перед моим покойным братом.

– Понимаю. – Я величаво склонил голову. – Так что там с литейками? И встань, встань с колен.

Да, еще один урок. Я никогда не забываю указать своим людям, кому они обязаны своей жизнью и нынешним положением. Хотя, честно говоря, они и не забывают.

– Великолепно с литейками! – радостно взвопил купец. – Заказов на год вперед, малые фальконеты на морских вертлюгах и крепостных лафетах как селедка расходятся. Для начала три десятка штук заказал город Антверпен, полностью оплатив предзаказ. И он же, согласно условиям договора, предоставил нам в аренду на льготных условиях свои грузовые галеры с экипажем для перевозки сырья из Британии и кандальников на своем же обеспечении...

Я слушал еврея вполуха и потихоньку прихлебывал супчик. Все, что он мне докладывает, я уже знаю – от него самого, из его же ежемесячных письменных отчетов, и от других людей – так сказать, моих недреманных глаз и ушей. Исаак не ворует... гм... скажем так, не ворует в известном понимании этого термина, а никогда не упускает возможности «чутьочку сделать в свою пользу» – это по его же выражению. Но по-божески, так что меня все устраивает. Тем более Исаак – купец от Бога.

Так о чем это я? Ага... так вот, бизнес идет вполне прилично. Только на одном литейном производстве я заработал пять тысяч гульденов – это уже чистыми. Причем в отлитых на моем производстве орудиях ничего прогрессивного нет, я строго-настрого запретил внедрять новшества; они просто качественные...

– И да... пообварилось с десятков человек, но ничего, новых уже прислали, а вот нормы питания для них я считаю слишком роскошными... – продолжил докладывать Исаак.

– Что с шебекой? – прервал я его.

– Готова! – преданно смотря мне в глаза, выдохнул купец. – Перегнали ее из дока к нам на стоянку. Господин Веренвен с командой на судне. Ставят на места орудия. Могу отчитаться по расходам...

– Ему... – Я опять показал на Хорста.

– Аудитор услышал мои слова, мгновенно оторвался от мисочки с супчиком, которую держал на коленках, и сразу же уставился на Исаака грозным взглядом ищейки. Да так, что тот невольно поморщился.

– Как прикажете... – обреченно пробормотал Исаак.

– Приказываю. Теперь, где мэтры Фиораванти и Фен? На новом производстве? Пошли за ними конника, и срочно сюда.

Купец отрицательно мотнул головой.

– Нету их там, – виновато сказал он. – Позавчера отбыли в Гуттен. Оба. Без объяснений. Мне доложили, что за ними прибыл гонец.

– Что случилось? – Я немного насторожился.

– Не ведаю, ваше сиятельство, – развел руками Исаак. – Оставили за себя помощников и срочно отбыли.

– Ничего страшного, увижусь в Гуттене, – сделал я вывод и вытащил из-под кирасы маленький тубус. – Держи. Когда галеры опять пойдут за сырьем к бриттам, пусть твой поверенный передаст это письмо интенданту порта Портсмут и присовокупит к нему шкатулку с двумя сотнями гульденов. Ограничение на покупку олова со свинцом и дополнительную пошлину с вас снимут. И передашь ему же тех кречетов, что тебе должны были доставить из Груде, и еще вот это письмо. Интендант знает, куда их дальше переправить. – Я положил на стол очередной футляр. – Кстати, птиц уже доставили?

– Доставили, ваше сиятельство, доставили... – Исаак поморщился. – Только вот кастелян дамы ван Груде содрал за них совершенно сумасшедшую цену. Ей-ей, я бы дешевле нашел...

Я, в свою очередь, нахмурился. Моя ленница, почтенная вдовица Шарлотта ван Груде, последнее время стала чрезмерно наглей. Это в ее хозяйстве выращивают редкостных ловчих птиц, что мне очень на руку – при помощи подобных подарков можно делать реальный политик. Вот и эти кречеты предназначаются Джону де ла Полю графу Линкольну, племяннику нынешнего короля Британии, за лоббирование некоторых политических интересов, а до кучи – и моих торговых.

Так вот, дама Шарлотта, на почве полового воздержания, в последнее время стала весьма стервозничать и проявлять своенравие. К примеру, цены задирать безбожно. Хотя, должен признать, тут она в своем праве. Я ей, конечно, сеньор, но ее обязательства вассала строго очерчены. И в их перечень скидка на ловчую птицу не входит.

Я, конечно, за этих кречетов не плачу, это подарок Мергерит своему родственнику, но все равно пора Шарлотку ставить на место. Есть методы воздействия. Или замуж выдать наконец, сразу помягчает. Мне-то ее самому драть как-то не с руки...

– Кхх!.. – громко кашлянул Хорст, привлекая к себе внимание. – Ежели ваше сиятельство дозволит, я могу провести тщательный аудит одного поместья: враз цены станут приемлемыми.

Исаак бойко закивал головой, приветствуя этот метод.

– Позже, – решил я оставить решение этой проблемы на потом и обратился к Исааку: – Достал, что я тебя просил?

– А как же, ваше сиятельство! – Исаак схватил колокольчик на столе и яростно зазвонил, будто бил в набат. Через мгновение слуги внесли в кабинет две обитых кожей деревянных коробки. Купец бережно открыл их и поднес мне. – Вот, ваше сиятельство, работы венецинца Джакомо Торричелли, извольте полюбопытствовать...

В коробках на бархатной подложке лежали очень красивые куклы в нарядной одежде с настоящими драгоценностями. Они настолько искусно и тщательно были исполнены, что мне показалось – в коробках лежат две спящие живые девочки. Умница Исаак, такие куклы – пока настоящая редкость, и я сомневаюсь, что они есть даже у детей королевской крови. По крайней мере – не у всех. А у моих дочурок-красавиц уже есть. И будут еще.

– И лично от меня, ваше сиятельство... – Исаак склонился в почтительном поклоне и поставил на стол небольшую игрушку, изображавшую золотого петушка. Он повозился с ней, и совершенно неожиданно механический птиц залился звонким кукареканьем и стал долбить серебряным клювом по столешнице.

Ух ты... вот это угодил, шельмец! И не надо удивляться, у нас в Средневековье одаренные механикусы еще и не то могут сконструировать. Но цена подобным игрушкам – за гранью разумного. Это может значить многое. К примеру, что Исаак где-то хапнул не по чину и теперь замаливает грешки подарками. Впрочем, он может и просто выражать свою признательность – есть за что. Но все равно я этот подарок оценю достойно.

– Учту, братец... – Я сдержанно и солидно кивнул: не по рангу графу бурно проявлять эмоции – если, конечно, он не наклоняет кого-то. – Прикажи переправить все это на шебеку. Я завтра поутру отправляюсь. И продолжай, продолжай докладывать...

К тому времени как супчик иссяк в миске, еврей ввел меня в курс торговых дел и доложил все сплетни Антверпена. Все в кассу пойдет, только надо тщательнее фильтровать сведения.

В свою очередь, я насыпал ему целую кучу ценных указаний, после чего благополучно свалил на стоянку судов. Соскучился уже по своей ласточке. То бишь по своей шебеке. Нет, все-таки я создан... создан... черт, на ходу засыпаю...

На корабле я только показался. Допустил команду к руке, по традиции экипировав свою длань в латную перчатку, удостоил Веренвена короткой беседы, дал указания, похвалил его за то, что догадался взять с собой в Антверпен полную команду абордажников, и вернулся в поместье. Подробнее по судну буду разбираться в походе. Но уже вижу – мастера не подкачали.

Ну а в поместье наткнулся на очередной демарш Земфиры. Тоже вполне предсказуемый...

– Куда? – Я сразу даже не понял, чего она хочет. Задремал, понимаете ли, в горячей водичке, а тут...

– С тобой... – вкрадчиво прошептала сирийка и, сбросив камизу, скользнула ко мне в корыто.

– Нет, нет и еще раз нет...

– И почему? – Девушка взяла ковш с ромашковой эссенцией и стала промывать мне волосы.

– Потому. – Я невольно покосился на маячившие перед глазами острые грудки сирийки.

– Не любишь меня... – горько пожаловалась сирийка, отбросила ковшик в сторону и нырнула ручкой к моим чреслам.

– Очень даже люблю... – Я подхватил ее за талию и привлек к себе.

– Я сама... – муркнула сирийка и убрала мои руки. – Так почему? О-о-х!!! Говори...

– Я... я не на прогулку... собираюсь...

– Я хорошо стреляю из лука... – Земфира, опираясь руками на борта корыта, стала медленно приподниматься и опускаться. – О-о-хх!!! Я не буду обузой... Не помогай! Нет, я... я сама... сама...

– Буду... буду отвлекаться...

– Я... – Сирийка откинулась назад, резко запрокинула голову, создав вокруг своих волос маленькую радугу, на секунду замерла и стала постепенно набирать темп. – Ох!.. Я не буду лезть вперед... ох... ох...

– Не знаю...

– Знаешь... ох...

– Нет...

– Да-а-а...

– Нет...

– Возьми! Ну же... возьми меня... с собой!!! – Земфира опять охнула и, расплескав воду, со стоном рухнула мне на грудь.

– Ладно... – Я погладил ее по мокрым волосам. – С рассветом выступаем. Возьми с собой все свое оружие, доспех и наряды с драгоценностями... самые лучшие... Не успеешь в срок – оставлю дома...

– Ты знал... – слабо прошептала девушка, прижимаясь ко мне. – Ты издеватель... ты сразу согласился... а меня мучил...

Я молча улыбнулся. Конечно, знал и все уже решил. Исаак передал мне письмо нашего торгового представителя в Нанте, который сообщал, что в порт уже прибыл старый капудан Хасан Абдурахман ибн Хоттаби. И оный сарацин будет ждать меня сколько потребно. Потому что с ним прибыли отец Земфиры и два ее брата. И я им ее покажу, вот только... только сирийка сама решит, как поступить. Но это будет уже после того как мы грохнем посольство Паука. Или не будет вообще, если грохнут нас. В чем я сильно сомневаюсь, а значит, встрече Земфиры с родителем – быть.

– Я – собираться!!! – Земфира радостно клюнула меня губами в щеку и вскочила в корыте.

– Позже, – я поймал ее за руку и притянул к себе, – мы еще не закончили...

– Жа-а-ан!!!

Глава 6

Соленый ветер в лицо, скрип такелажа, удары корпуса о волну и пронзительные вопли чаек, белыми тенями скользящих над свинцово-изумрудным морем. Эти звуки кажутся мне музыкой, которая бодрит не хуже самого сильного наркотика. Уже не терпится взять на абордаж клятый посольский неф. Или еще кого-нибудь.

– ...и возьму, – пообещал я себе вслух.

– Что вы сказали, господин шаутбенахт?! – перекрикивая ветер, спросил Веренвен. Он стоял рядом со мной на мостике и присматривал за командой рулевых, ворочающих здоровенный румпель.

– Ничего. Как тебе шебека после ремонта?

– Нормально, господин шаутбенахт... – скупно ответил капитан. – Пока так, дальше скажу больше...

Я уже знал, что мне ответит Веренвен, и спросил проформы ради. Сам вижу, что мастера справились на славу.

Впрочем, на кардинальные переделки я пока не решился, парусное вооружение вообще не трогал и ограничился тем, что напрочь убрал места для гребцов, а на их месте организовал опердек – артиллерийскую палубу с портами для орудий. То есть теперь моя красавица стала вполне двухдечным судном.

Ну и еще по мелочи: мастера на верфи по моему проекту перемонтировали и нарастили борта с фальшбортами, немного модернизировали систему управления – добавили рычажные приводы к румпелю, переделали трюм и укрепили корпус. Ну и текущий ремонт, конечно: полностью поменяли такелаж, перемонтировали и усилили крепления мачт, да и сами мачты сменили. Над корпусом тоже поработали, сделали перешивку и нанесли покрытие по рецепту Фена. Короче – обновили посудину.

А я, в свою очередь, полностью сменил артиллерийское вооружение.

Теперь у меня на верхней палубе двенадцать малых казнозарядных фальконетов на вертлюгах, шесть по каждому борту, а самое главное, в опердеке – восемь двенадцатифунтовых орудий с конической зарядной камерой, способных палить помимо обычного арсенала снарядов еще и бомбами. Воткнул бы больше, но места маловато, шебека не резиновая, да и весят они чуть менее тонны каждое.

Ну и курсовые дальнобойные средние фальконеты – числом два, да столько же аналогичных ретирадных. Что в итоге составляет аж двадцать шесть орудий, более чем достаточно для любого дела. Более чем, ибо на местных лоханках пушки только начали появляться, а пока в основном обходятся средневековой машинерией – требушетами да катапультами.

Если бы мне предстояло без затей пустить на дно франков, я бы даже не парился, но не все так просто. Топить категорично нельзя, а это значит – только абордаж. А на посольском нефе не менее полутора сотен бойцов, из них с десятков тяжеловооруженных дворян. И все это против моих семи десятков абордажников. Даже если к ним добавить Логана с его оболтусами да меня с близнецами, все равно очень неравнозначно получается. Но это я кокетничаю, в любом случае картечь свое дело сделает...

– Гуттен!!! Гуттен!.. – вдруг завопили Луиджи и Пьетро. Эти чертенята, по своему обычаю, только попав на шебеку, сразу стали осваивать верхушки мачт. Обезьяны, а не пажи...

На скрытом дымкой берегу стал просматриваться маяк на мысу и мой замок. Я громко ругнулся – времени нет, а домой хочется просто непереносимо, принял от Веренвена песочные часы и отдал команду:

– Верхняя левая батарея, товсь!

Орудийная прислуга живо разбежалась по орудиям, с громким хлопанием вылетели пробки из дул, лязгнули крышки зарядных ящиков...

Горка светлых песчинок в нижнем отделении часов стала неумолимо расти...

Канониры ловко вставили зарядные камеры в фальконеты, и тут же забухали деревянные киянки, заклинивая их в казенной части.

Обер-цейхвахтер Симеоне пробежался по батарее, громко стукнул дубинкой по голове ученика канонира, замешкавшегося с запальником, и истошно проорал:

– Верхняя батарея левого борта готова!!!

Я глянул на скатившиеся вниз последние песчинки и скомандовал:

– Залпом, огонь!..

Снопы огня в облаках белого дыма протянулись над водой, резкий грохот заглушил вопли буревестников. Я довольно кивнул и бросил вытянувшемуся рядом обер-боцману Андерсену:

– К раздаче винной порции и приему пищи – приступать. Мне сервируйте в каюте. И пригласите юнкера ван Брескенса с его эс্কюз ко мне на обед. Хватит ему абордажников дрючить... Что? Травят за борт оные эс্কюз? Тогда без них...

В каюте плюхнулся в свое кресло и прикрыл глаза. Запах кожи, стали и пороха, разбавленный ароматом арманьяка, с оттенком вездесущего трюмного смрада, острые оттенки моря – все это раньше умиротворяло, создавало ощущение домашнего уюта, а сейчас...

Давит что-то, и давит на сердце... вот только что – никак не могу понять. По своим крошкам соскучился? Не иначе, так... Но ничего...

– Мой господин без настроения? – Земфира приняла у меня меч, метнулась к комоду и вернулась уже со стопкой, полной арманьяка, и куском хлеба с паюсной икрой.

– Есть немного... – Я опрокинул в себя рюмку. – Ты сама как? Не мутит?

– Мой господин... – Сирийка присела в глубоком книксене, а потом рассмеялась и крутилась в танцевальном па. – Мой господин, ваша недостойная рабыня родилась на корабле...

Я просто кивнул ей и, взяв с ломтя хлеба кусочек икры, забросил его в рот. Не мутит так не мутит, одной заботой меньше.

– Жан... – Сирийка примостилась на подлокотнике кресла и склонилась к моему уху. – Жан, а зачем ты заставил меня взять свои лучшие платья и драгоценности? Неужели возьмешь с собой на прием к какому-нибудь герцогу? А-а-а, я догадалась: ты просто хочешь всегда видеть меня красивой?

– Ты и без этих побрякушек красивая... – после паузы сказал я. Признаться, что везу ее к отцу, отчего-то не хотелось. Но надо... – Скажи, моя ласточка, ты скучаешь по дому? По родным?

Сирийка скользнула мне на колени, прижалась к груди и прошептала:

– Иногда... по маме и отцу... Но когда ты со мной, все горести проходят... А почему ты спрашиваешь?

– Может так случиться, что ты скоро увидишься со своим отцом.

– Так ты... – Земфира отстранилась, в ее глазах блеснули слезы. – Ты везешь меня отдавать?..

Я покачал головой и прижал к себе девушку:

– Глупая ты... Сама решишь, отправляться с ним или нет. А я приму любой твой выбор...

– Правда? – Сирийка недоверчиво посмотрела на меня.

– Правда. И еще... Я хочу, чтобы ты поняла: ты достойна большего, чем имеешь со мной. Я никогда не смогу взять тебя в жены, никогда не смогу официально признать наших детей; мало того, может так случиться, что у меня появится жена – увы, даже помимо моего желания. Нам надо подумать, как быть... – И добавил, видя полные возмущения глаза сирийки: – И еще раз: я приму любой твой выбор...

– Ты не будешь меня принуждать? – Земфира заговорила после долгой паузы, во время которой пронизательно смотрела мне в глаза.

– Нет.

– Хорошо, мой господин... – Сирийка улыбнулась. – Я верю тебе и поступлю по велению своего сердца. А что до всего остального тобой перечисленного... Знаешь... мне гораздо важнее твоя любовь. И большего не нужно...

Я поймал ее ладошку и прижал к своим губам. В голове мелькнула мысль, что, если сирийка все же решит отправиться со своим отцом, мне ее будет очень не хватать...

– Клятые размазни!!! – Дверь брякнула и, громко топая сапожищами, в каюту ворвался Тук. – Ну ничего, три шкуры спущу со стервецов...

– Не бурчи, братец, лучше присядь и налей себе... – Я показал глазами на флягу. – И вообще, ты о ком?

– Простите, сир... – Логан узрел Земфиру на моих коленях и сконфузился. – О ком же еще, об этих лоботрясах, конечно.

– Его милость ведет речь о своих оруженосцах, наверное. – Сирийка ловко плеснула арманьяка в стопку и подала Логану.

– Благодарю вас, прекрасная госпожа... – Скотт с поклоном принял рюмку, смешно зажмурил глаза и опрокинул ее содержимое в рот. – Уф... О них, стервецах... Позорят меня, ироды...

– Сир!!! – В каюту заволокло влетели близнецы. – Сир!!! В замке на донжоне спущен ваш флаг, а маяк подает какие-то сигналы. Мы сами видели в подозрительную трубку...

– Подзорную трубу... – машинально поправил я Луиджи, а потом вскочил с кресла и заорал: – Что?! Как «приспущен», мать вашу?!

После чего, уже догадываясь о причине своей непонятной тревоги, вылетел на палубу и уставился на замок. Что случилось с флагом – я так и не рассмотрел, но огонь на маяке действительно бился, словно в истерике. А мгновением позже на стенах замка появились маленькие клубки дыма.

– Сир... Палят из пушек: очевидно, хотят привлечь наше внимание... – тихо подсказал Тук. – Время у нас есть, можно...

– Веренвен, лево руля!.. – не дослушав, рявкнул я. – Да шевелитесь, мать вашу...

Что, черт возьми, могло случиться? Что? И Фен с Фиораванти два дня назад сорвались в Гуттен без объяснений... Не дай бог, что-нибудь с малышками или Матильдой – на кол посажу клятого жида...

Ледяные тиски тревоги не разжимались до самого причала. Да так и не разжались...

Не дожидаясь, пока шебека пришвартуется, я выскочил на причал и схватил за шиворот замершего на коленях рыбака:

– Что случилось? Какого хрена сигналы подавали? Говори...

Рыбак висел в моих руках, как тряпка, и молчал. Я крутнул головой и увидел неподалеку еще троих, тоже стоящих на коленях. Да что за хрень? Сознание наотрез отказывалось что-либо понимать.

– Где староста, мать твою? Где все?

Мужик, не поднимая голову, указал в сторону замка.

Луиджи и Пьетро, не дожидаясь команды, стали выпрягать лошаденку из телеги. Но они не успели закончить: к причалу примчался старшина замковой стражи Торвальд Баумгартнер с парой стражников и заводными лошадьми. Увидев, как он повалился на колени, я ничего не стал спрашивать, вскочил в седло и погнал коня к замку. Ни на что хорошее уже не надеялся. Потому что все стражники были одеты в черное.

Влетел в замковые ворота, соскочил с седла, совсем было собрался бежать в покои, но замер, увидев, как во двор выходят мои ближники. Последним появился Соломон. Он шел

покачиваясь, неверными шагами, лицо еврея было смертельно-бледным, вокруг глаз чернели круги; создавалось впечатление, что это идет мертвец, какой-то непонятной силой поднятый из могилы.

Не доходя до меня пару шагов, еврей упал на колени, поддержнул воротник, обнажил шею и склонился к земле.

Не глядя по сторонам, я выдрал из ножен эспаду и шагнул вперед.

– Что с детьми?

Соломон ничего не ответил и только больше склонил голову.

Отливающий серебром клинок со свистом вспорол воздух и со смачным хрустом впился в поросшую черным пушком шею. Нереально алая струя крови хлестнула по мощенному брусчаткой двору. Карминовые капельки беспокойно закачались на чахлах травинках, пробившихся в щели между камнями...

Видение было настолько живым и ярким, что, когда я открыл глаза, дико удивился, увидев лекаря живым и невредимым.

– Что с детьми? – едва выдавливая из себя слова, повторил я вопрос.

– Сын мой! – бросился ко мне падре Михаэль, замковый капеллан. И осекся, увидев кончик эспадy у своего горла.

– Я в последний раз спрашиваю...

– Дык в детской... – прошептал священник, с ужасом посматривая на слегка подрагивающее острие возле своего кадыка. – С няньками же...

Ноги разом перестали держать, но выручили близнецы, стойкими солдатиками выросшие у меня по бокам.

– Господин... – натужно прохрипел Соломон, не вставая с колен. – Я сделал все что мог, но... но...

– Сир... – Фиораванти шлепнулся рядом с лекарем.

– Хозяин... – Фен присоединился к ломбардцу.

– Господин... – Баумгартнер, лязгнув доспехом, тоже преклонил колени.

– Призываю в свидетели Святую Богородицу! – рывкнул Логан откуда-то из-за моей спины. – Если вы немедленно не объясните, что случилось, я лишу вас жизни...

– Тихо!

Я поднял голову и увидел, как ко мне идет Брунгильда, жена Логана. Переваливаясь словно утка и придерживая рукой громадный живот, она быстро добралась до меня, крепко ухватила за локоть и потащила за собой, в беседку подле замковой стены.

– Господь забрал даму Матильду... – горячо шептала она по пути. – И ребеночка, еще не рожденного. Два дня как схоронили. Знаю, любил ты ее... Ты поплачь, поплачь... легче станет... Эй, кто там, живо подать нам...

Слуг опередил Логан, подсунувший мне флягу с арманьяком. Все еще не понимая, что случилось, я судорожно глотнул...

– Пятого дня прибыл в приют для паломников при Гуттене странствующий августинец Корнелий... – как сквозь подушку доносился до меня хрип Баумгартнера. – С частичкой мощей святого Бонифация... Дама Матильда обласкала одного монаха и приложила губами к мощнице. Монах убыл, а четвертого дня у госпожи начался...

– Ядом была покрыта крышка мощницы... – перебил его Соломон. – Я сделал все что мог, но яд уже поразил внутренности с мозгом, и к вечеру...

– Оногo августинца мы разыскивали... – забубнил Баумгартнер. – И таки сыскали...

– Еретика проклятушего, вовеки проклятого... – возмущенно воскликнул фра Михаэль. – А даму Матильду мы отпели, все как положено, не сумлевайтесь, ваше сия...

– Где эта скотина?! – разъяренным медведем заревел Виллем Аскенс.

– Дык в темнице же...

– Рты закрыли все!.. – Я наконец начал приходить в себя. – Проводите меня к Матильде...

На меня накатило совершенно необъяснимое спокойствие. Ни злости, ни горя, никаких эмоций, совсем никаких – как одеревенел. Просто хочется сдохнуть...

Матильду похоронили при замковой часовне. Я постоял на коленях возле усыпальницы, с дикой злостью коря себя за то, что не смог выжать даже одной слезинки, а потом отправился к девочкам играть с ними в куклы.

А уже в детской, возясь с малышками, чуть не сошел с ума от горя; запоздало, но накрыло все-таки. Но никого не винил в случившемся, подобного развития событий я и сам бы не смог предусмотреть.

Подумал и приказал срочно привезти из Антверпена Лилит и допустить ее к дочуркам, с полномочиями матери. Если кому и доверю своих красавиц, то только этой цыганке.

Земфира не отставала от меня ни на шаг, в ее глазах плескалось настоящее, неподдельное горе, она искренне сопереживала, но почему-то не произнесла даже слова. А Логан все это время плакал, примостив свою голову на обширном животе супруги.

– Не надо, братец... – Я потрепал его по волосам. – Времени у нас нет. Идем лучше поспрашиваем уродца...

– Конечно, сир!.. – Глаза шотландца сверкнули. И в этом блеске я не нашел ничего хорошего для августинца Корнелия.

– Спалите тварь на костре!.. – зло прошипела Брунгильда. – Я сама огонь к дровам поднесу...

«И спалю, – обещал я сам себе, нащупывая ступеньки в пыточную, – но только после того, как четвертую».

Августинца уже подготовили к допросу. Жилистый, крепкий, полностью лысый мужичок со щеками, как у бульдога, был растянут на пыточном станке. Аскенс вместе с добровольными помощниками деловито готовил инструментарий. В темнице, как всегда, пахло плесенью, ржавчиной и человеческими страданиями...

Я с непонятным наслаждением втянул в себя этот воздух и присел на табуретку напротив августинца.

Монах, увидев меня, отчаянно вздрогнул, но не издал ни звука.

– Кто? – Мой голос отразился эхом от сводчатых потолков и затих где-то в углу, за сваленными в кучу ржавыми цепями.

– Я... – очень тихо прошептал монах. – Корнелиус Гронненверк...

– Зачем?

– По велению Господа... – уже решительнее ответил Корнелиус. – Дабы извести с лица земного грех дьяволов...

– Кто поручил?

– Господь!.. – В голосе монаха прозвучали фанатичные нотки.

– Понятно... – Я обратился к палачу: – Виллем, он не должен умереть.

– Ручаюсь, ваше сиятельство... – уверенно кивнул Аскенс. – В этом ручаюсь...

Я повернулся к Логану и не видел, что сделал профос, но не слышать уже не смог. Воздух в пыточной немедленно разорвал утробный булькающий вой.

– Сир... А может, это ваш старый знакомец из Бюзе-Сен-Такр его подослал? – Тук прислушался к воплям и одобрительно кивнул: – Ну а кто еще?..

– Может, и он... – согласился я вслух, но про себя не поверил. До сих пор, кроме неясных следов, я не нашел четких и правдивых свидетельств о том, что Гийом де Монфокон, человек, которого я прирезал в замке Бюзе, все-таки остался в живых. Даже несмотря на то, что привлек на поиски тайные службы церкви. Впрочем, ничего исключать нельзя...

Вопли следовали за воплями, лжемонах страшно корчился в станке, но не произносил ни слова. Аскенс никак не мог развязать ему язык и только недоуменно крутил бородой. Но когда к ногам убийцы приладили «испанские сапоги», он все-таки заговорил.

– Альфонс... Альфонс передал... – горячечно зашептал лжемонах. – В Мехелене...

Со слов лжеавгустинца выходило, что ему было приказано отравить именно Мадлен и детишек. Детишек он не смог, хотя подготовил несколько конфет с ядом, а с Матильдой сработало. Мати в последнее время была очень набожной, отмаливая грех, в котором мы с ней жили, поэтому охотно приложилась к мощам святого, на поверку оказавшимся кусочками собачьих косточек.

Заказ ему передал некий Альфонс, якобы поверенный какой-то высокородной особы. Но скорее всего, это имя было подставным. Сам Корнелиус оказался бывшим аптекарем Арманом Жюсо из Франш-Конте, находящимся там в розыске за составление ядов. Когда его делишки вскрылись, аптекарь успел бежать и устроился в Нидерландах, вполне процветая на нелегальной торговле приворотными зельями и поддельными мощами. Как выяснилось, под религиозного фанатика он только косил...

Ну что же, примерно все ясно...

Я быстро набросал письмо кардиналу де Бургоню, в котором описал ситуацию и попросил прислать конвой за отравителем. Очень хотелось задавить Корнелиуса своими руками, но я счел более правильным передать уroda в руки церковников. По аптекарю надо вести тщательное и скрупулезное следствие, а у меня таких возможностей пока нет. И неизвестно, когда появятся. А инквизиторская братия дело свое знает...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.